

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a Vihik 364 Выпуск ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
XIX
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

Tartu 1975

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a

Vihik 364 Выпуск

ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
XIX
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

TARTU 1975

Редакционная коллегия: В.Кельдер, Э.Лаасик, И.Мялл,
И.Ребане, Э.Салумаа (председатель),
П.Виһалем.

Ответственные редакторы: Х.Кяртнер, Х.Линдмэе.

Redaktsioonikolleegium: V.Kelder, E.Laasik, J.Mäli,
I.Rebane, E.Salumaa (esimees),
P.Vihalem.

Vastutavad toimetajad: H.Kärtner, H.Lindmäe

СУДИМОСТЬ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Докт. юрид. наук, проф. И.А. Ребане

Кафедра уголовного права и процесса

Судимость имеет весьма важное уголовноправовое значение. Тем не менее институт судимости еще не подвергнут советскими криминалистами обстоятельному монографическому исследованию. Вопросы судимости, ее погашения и снятия рассматриваются, главным образом, в учебной литературе, в специальных главах работ, посвященных более общей проблематике, а также в некоторых журнальных статьях. Кроме того, вопросы погашения и снятия судимости рассматриваются в двух брошюрах, М.П.Евтеева¹ и В.В.Ераксина и Л.Ф.Помчалова². Эти брошюры в известной мере уже устарели, так как в 1969 г., при внесении изменений в "Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" нормы, регулирующие погашение и снятие судимости, были пересмотрены. Вместе с тем следует отметить, что ряд вопросов, относящихся к институту судимости, пока почти не разработан. Явно недостаточно в литературе рассматриваются специальные случаи исчисления сроков погашения судимости. Слабая теоретическая разработка института судимости отражается и на судебной практике. Здесь отмечаются колебания и значительные трудности при признании лица особо опасным рецидивистом. Поэтому рассмотрение института судимости представляется вполне обоснованным. Разумеется, в рамках одной статьи не могут быть

---

¹ М.П.Евтеев. Погашение и снятие судимости. М., 1964.

² В.В.Ераксин, Л.Ф.Помчалов. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. М., 1963.

рассмотрены все вопросы судимости. Более подробно в статье анализируются специальные случаи исчисления сроков погашения судимости.

+

+

+

I. Понятие и уголовноправовое значение судимости

I. Судимость — это особое состояние осужденного, возникающее с назначением наказания, от отбытия которого он не освобожден полностью и окончательно, состояние, длящееся до погашения или снятия судимости и сопровождающееся неблагоприятными для осужденного уголовноправовыми и иными юридическими последствиями.

Сам уголовный закон не содержит определения понятия судимости, а регулирует погашение и снятие судимости. Но, говоря о погашении и снятии судимости, уголовный закон предполагает это понятие, предоставляя его определение науке уголовного права.

Статья, предусматривающая погашение и снятие судимости, помещена в УК ЭССР в главу, регулирующую освобождение от наказания, а в "Основах" — в главу, посвященную назначению

наказания и освобождению от него (ст. 47). Между тем ни погашение, ни снятие судимости не могут быть отнесены ни к назначению наказания, ни к освобождению от него.

Судимость - это самостоятельный институт советского уголовного права - правовое последствие осуждения лица и назначения ему наказания. Она неблагоприятно отражается на правовом состоянии осужденного. Тем не менее судимость не входит в содержание наказания и не может быть рассмотрена как ограничение или потеря, которыми характеризуется наказание как репрессия. Что судимость не является репрессией за совершенное преступление и не входит в содержание наказания, подтверждается рядом соображений, а прежде всего анализом уголовноправового значения судимости.

2. Уголовноправовое значение судимости заключается в тех неблагоприятных последствиях, которыми сопровождается совершение нового преступления лицом, имеющим судимость. Эти неблагоприятные последствия наступают при решении вопроса об ответственности и применении наказания за новое преступление. В состоянии лица, имеющего судимость, но нового преступления не совершившего, каких-либо изменений с точки зрения уголовного права не происходит.

Лицо, имеющее судимость, признается при совершении нового преступления рецидивистом, рецидив же, как правило, является обстоятельством, отягчающим ответственность при назначении наказания за новое преступление (ст. 38, п. I, УК ЭССР)³. Иногда наличие судимости предусматривается в виде отягчающего обстоятельства в Особенной части УК ЭССР (см., например, статьи 68, ч. 2; 164, ч. 2; 195, ч. 2, и др. УК ЭССР), то есть от наличия судимости зависит квалификация преступления по закону, предусматривающему более строгое наказа-

ние. Наличие судимости — одна из необходимых предпосылок признания лица особо опасным рецидивистом (ст.42,ч.1,УК ЭССР). При наличии судимости лицо, как правило, отбывает лишение свободы в более тяжком виде исправительно-трудовой или воспитательной колонии (ст.23,ч.4 и 6,п.2,УК ЭССР). В некоторых случаях наличие судимости исключает возможность передачи лица на поруки общественности (ст.50, ч.2, п.1, УК ЭССР), а также условно-досрочного освобождения от наказания и замену неотбытой части наказания другим, более мягким видом наказания (ст.55¹ УК ЭССР), порой же влечет за собой повышенные требования при таком освобождении или замене (статьи 55, ч.5, п.2-3; 56, ч.5, п.2-3, УК ЭССР). Поскольку во всех этих случаях наличие судимости влечет за собой неблагоприятные для виновного последствия при определении ответственности и применении наказания за новое преступление, совершенное до погашения или снятия судимости, исключено рассмотрение судимости как репрессии за ранее совершенное преступление, по которому лицо имеет судимость.

Вывод о том, что судимость не является репрессией за совершенное преступление и не носит карательного характера, не опровергается тем очевидным фактом, что при наличии судимости личность человека отрицательно оценивается со стороны общественного мнения. Такая оценка вызвана тем, что судимость официально удостоверенный факт осуждения в прошлом лица⁴ и отбывания им наказания, факт выражения Советским государством юридического и морально-политического порицания преступнику и его поведению. Такое порицание, разумеется, оказывает воздействие и на формирование общественного мнения.

---

⁴ Поэтому нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают, что под судимостью в советском уголовном праве понимается официально удостоверенный факт осуждения в прошлом лица за совершенное им преступление. См. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.Ш. Наказание. Ред. колл. А.А.Пионтковский. П.С.Ромашкин. В.М.Чихиквадзе. М., 1970, стр. 310; Уголовное право. Часть Общая. Под. ред. Беляева Н.А., Шаргородского М.Д. М., 1969, стр. 374.

Отрицательная оценка личности преступника со стороны общественного мнения не имеет уголовноправового значения. Это социально-психологический факт, который подтверждается как ежедневным опытом, так и социологическими исследованиями. Эти исследования свидетельствуют о том, что граждане нередко воздерживаются от сношений с лицами, имеющими судимость, чувствуют себя с ними неловко, а подчас даже считают, что эти лица еще не исправились. Да и сами лица, имеющие судимость, ощущают, что между ними и другими гражданами имеется какой-то психологический барьер.

Тем не менее из этих явлений, относящихся к сфере социальной психологии, отнюдь не вытекает, что судимость представляет собой репрессию за совершенное преступление и что ей присущи элементы карательные, заключающиеся в моральном принуждении. Репрессия по советскому уголовному праву — это осуждение лица по приговору суда за совершенное преступление и применение к нему наказания. Как относятся граждане к лицу, имеющему судимость, лишено уголовноправового значения, так как по закону с таким отношением какие-либо юридические последствия не связаны.

Вместе с тем отрицательная оценка со стороны общественного мнения личности человека, имеющего судимость, представляется вполне справедливой. Ведь такая оценка имеет своей основой совершение лицом преступления и осуждение его по приговору суда. Один факт отбытия им наказания сам по себе едва ли может тотчас изменить отрицательное отношение общественного мнения к личности преступника. Для выработки нового, более благоприятного отношения со стороны общественного мнения к лицу, в прошлом осужденному за совершенное им преступление, требуется определенное время. Преступник должен сперва заслужить доверие и проявить себя с положительной стороны. Лишь тогда изменится отношение к нему и со стороны общественного мнения. Но, с другой стороны, было бы несправедливо ставить всю жизнь в упрек человеку, отбывшему наказание и исправившемуся, совершившему им когда-то преступление. Судимость, как особое состояние лица, совершившего преступление, должна быть ограничена

определенным периодом времени. Исходя из этого, советское уголовное право устанавливает сроки погашения и снятия судимости. Если судимость погашена или снята, нельзя впредь говорить об особом юридическом состоянии лица, являющемся правовым последствием признания его виновным по приговору суда. Бесспорно, что снятие или погашение судимости оказывает существенное влияние и на выработку со стороны общественного мнения нового отношения к лицу, в прошлом совершившему преступление.

Вывод о том, что судимость не является репрессией за совершенное преступление и не носит карательного характера, не опровергается и тем фактом, что она способна оказывать некоторое сходное с наказанием воздействие. Это относится прежде всего к исправлению самого осужденного и специальному предупреждению преступлений. Дело в том, что неблагоприятные для преступника последствия, связанные с наличием у него судимости, а также и то обстоятельство, что погашение и снятие судимости зависят от поведения самого осужденного, стимулируют его исправление и воздерживают его от совершения новых преступлений. Вместе с тем неблагоприятные уголовноправовые последствия, которые влечет за собой судимость, оказывают общепредупредительное воздействие и на неустойчивых членов общества. Все это, однако, не может служить доказательством того, что институту судимости присущи карательные элементы, ибо наказание не единственное средство предупреждения преступлений и исправления и перевоспитания преступников.

Вывод о том, что судимость не является репрессией за совершенное преступление и лишена элементов кары, подтверждается также тем, что лицо имеет судимость и после полного отбытия наказания, когда репрессия за совершенное преступление исключена (лишь в редких случаях судимость погашается сразу же после отбытия наказания). Судимость отличается от наказания и тем, что в случаях, предусмотренных законом, обвинительный приговор автоматически влечет за собой судимость. В приговоре не указывается, что лицо признается имеющим судимость, а также не устанавливается ее срок.

Наличие судимости и ее срок предусмотрены не приговором, а законом. В законе указаны также, какие именно неблагоприятные уголовноправовые последствия связаны с наличием у лица судимости. Между тем вид и меру наказания всегда устанавливает суд,

3. Судимость, кроме уголовноправовых последствий, влечет за собой и иные неблагоприятные для осужденного юридические последствия, независимо от того, совершит ли он новое преступление или нет. Эти неблагоприятные последствия наступают, однако, лишь постольку, поскольку они прямо предусмотрены нормативными актами. Сами эти акты не носят уголовноправового характера. Ряд из них является административноправовым.

Над лицами, имеющими судимость, может быть установлен административный надзор в случаях и в порядке, предусмотренных "Положением об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"⁵.

Лицо, имеющее судимость за ряд тяжких преступлений, подвергается определенным ограничениям при выборе местожительства. Ему запрещено проживание в пограничной полосе и некоторых других местностях.

От наличия судимости зависят также некоторые ограничения при выборе рода деятельности, например, при занятии должностей, связанных с материальной ответственностью. Лица, имеющие судимость, не могут быть приняты в члены Коллегии адвокатов Эстонской ССР⁶.

Лицо, имеющее судимость, не должно в случае обращения в официальные органы утверждать обратное. В то же время в официальных документах, в том числе и в приговоре суда можно сослаться на судимость лица.

---

⁵ См. ВВС СССР 1966, №30, ст.597; 1970, №24, ст.206.

⁶ См. п. 21 утвержденного Указом Президиума Верховного Совета ЭССР от 22 февраля 1966 г. "Положения о коллегии адвокатов Эстонской ССР". - ВВСН ЭССР 1966, № 9, ст. 46.

4. Среди советских криминалистов нет единого мнения по вопросу о необходимости сохранения института судимости. В ходе выработки проекта "Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" была высказана точка зрения, что институт судимости не должен быть сохранен, а нормы, предусматривающие погашение судимости, следует отменить. Такая точка зрения обосновывалась тем, что "лицо, отбывшее наказание или освобожденное от него, не может быть подвергнуто никаким ограничениям в правах в связи с прежним осуждением, если такие ограничения не установлены судом."⁷ Уже тогда справедливо отмечалось, что исключение из уголовного кодекса статьи о снятии судимости означало бы не ликвидацию института судимости, а сохранение за осужденными судимости на всю жизнь.⁸

Впоследствии ликвидацию института судимости и исключение из уголовных кодексов статей о погашении и снятии судимости обосновывали необходимостью усилить борьбу с рецидивной преступностью. При этом исходили из того, что в случае упразднения института судимости и исключения из уголовного закона статей о погашении и снятии судимости совершение нового преступления всегда сопровождается неблагоприятными для виновного уголовноправовыми последствиями. Вместе с тем утверждали, что исключение из уголовного закона нормы о снятии судимости, осуществленное одновременно с ликвидацией в законодательном порядке самого института судимости, никак не могло бы означать сохранение за осужденным судимости на всю жизнь, поскольку не может сохраняться то, что не существует⁹. Этот довод, однако, не представляется убе-

---

⁷ См. П.С.Ромашкин. Основные проблемы кодификации советского уголовного законодательства. - "Советское государство и право", 1957, № 5, стр. 77.

⁸ См. М.Д.Шаргородский. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958, стр. 193.

⁹ См. С.С.Степичев. Нужен ли институт судимости? - "Социалистическая законность", 1965, № 9, стр. 14-18. Точка зрения С.С.Степичева не получила поддержки в советской юридической литературе. См. Х.Шейнин, В.Филимонов, В.Ткаченко. Институт судимости следует сохранить. - "Социалистическая законность", 1966, № 2, стр. 40-43.

дательными. Если судимость не погашается и не может быть снята, а совершение нового преступления всегда, в том числе и после осуждения за первое преступление, признается совершенным при отягчающих обстоятельствах, то судимость тем самым сохраняется на всю жизнь. С другой стороны, если совершение нового преступления после осуждения за первое преступление не имело бы при назначении наказания за новое преступление значения, то тем самым и понятие рецидива, в частности особо опасного рецидива, лишено было бы всякого уголовноправового содержания.

Следовательно, институт судимости должен быть в советском уголовном праве сохранен. Но судимость не может быть пожизненной. Необходимы определенные ее сроки. Пожизненная судимость противоречит гуманным принципам советского уголовного права. Кроме того, при бессрочной судимости утрачивается исправительное воздействие этого института. Именно поэтому в советском уголовном законе установлены сроки, по истечении которых судимость погашается или может быть снята.

II. Возникновение состояния судимости

I. Судимость имеет лицо, которому за совершенное им преступление назначено наказание, от отбывания которого оно не освобождено окончательно и полностью приговором суда, либо при рассмотрении дела в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. Следовательно, не имеющим судимости признается лицо, хотя и совершившее преступление, но не осужденное вследствие освобождения его от уголовной ответственности в связи с передачей его на поруки общественности (ст. 50 УК ЭССР) или направлением мате-

риалов на рассмотрение товарищеского суда (ст. 51 УК ЭССР). Не имеет судимости также лицо, в отношении которого обвинительный приговор не вынесен, так как оно освобождено по иным основаниям от **уголовной** ответственности, например, в связи с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 8 УПК ЭССР), или вследствие отпадения общественной опасности (ст. 49, ч. 1, УК ЭССР), либо по амнистии.

Равным образом не имеющим судимости признается лицо, в отношении которого вынесен **обвинительный** приговор без назначения наказания. Согласно ст. 264 УПК ЭССР такой приговор суд постановляет тогда, если он в результате судебного разбирательства придет к выводу, что исправление лица, совершившего в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания. В отношении этого лица суд применяет принудительные меры воспитательного характера (ст. 61, ч. 1, УК ЭССР). Согласно ст. 268, ч. 2, УК ЭССР суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания и тогда, если к моменту рассмотрения уголовного дела в суде вследствие изменения обстановки деяние потеряло общественную опасность, или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным (ст. 49, ч. 1, УК ЭССР).

Не имеет судимости и лицо, в отношении которого хотя и постановлен обвинительный приговор и которому назначено наказание, но которое этим же приговором либо судом, рассматривающим дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, окончательно и полностью освобождено от наказания. Согласно ст. 268, ч. 3, УПК ЭССР суд выносит обвинительный приговор с освобождением осужденного от назначенного наказания, если в стадии судебного разбирательства выяснилось, что истекли сроки давности (ст. 53 УК ЭССР), либо деяние подпадает под амнистию, либо лицо ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду (ст. 49, ч. 2, УК ЭССР).

Что же касается условно осужденного, то в течение испытательного срока он имеет судимость. Правда, суд освобождает условно осужденного от наказания, но само освобождение носит предварительный характер. Окончательное освобождение условно осужденного от наказания зависит от успешного прохождения им испытательного срока. Сказанное относится и к лицам, условно осужденным к лишению свободы с обязательным привлечением к труду в соответствии с Указом от 12 июня 1970 г.¹⁰, а также к военнослужащим, в отношении которых в военное время исполнение приговора к лишению свободы отсрочено до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию (ст. 48 УК ЭССР).

2. В советском уголовном законе прямо не предусмотрено, с какого момента имеет судимость лицо, которому назначено наказание и которое не освобождено от отбывания этого наказания по приговору суда либо определением или постановлением суда, рассматривающего дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. Подробно этот вопрос не рассмотрен и в советской уголовно-правовой литературе. Указывается лишь, что "момент признания гражданина судимым определяется датой вступления в законную силу обвинительного приговора."¹¹ Этой же точки зрения придерживается комментированное издание УК ЭССР¹².

В пользу отнесения начального момента признания гражданина судимым ко времени вступления в законную силу обвинительного приговора говорят веские аргументы. Если бы судимость имела у гражданина с момента провозглашения об-

---

¹⁰ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. "Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду." - ВВС СССР 1970, № 24, ст. 204.

¹¹ См. М.П.Евтеев. Погашение и снятие судимости. М., 1964, стр. 6.

¹² См. Eesti NSV kriminaalkodeksi. Kommenteeritud väljaanne. Koost. Ilmar Rebane. Tln., 1972, § 58 komm. 3.

винительного приговора, то этим, неокончательным судебным решением сопровождались бы и неблагоприятные для него юридические последствия. Однако очевидно, что подобный вывод противоречит принципам социалистической законности. До вступления обвинительного приговора в законную силу признание лица судимым исключается. С момента провозглашения обвинительного приговора судимость налицо только тогда, если этот приговор, например, приговор Верховного Суда Эстонской ССР, кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит. Но с провозглашением такой приговор и вступает в законную силу.

Поскольку судимость налицо с момента вступления обвинительного приговора в законную силу, то именно вступление приговора в силу сопровождается неблагоприятными уголовно-правовыми последствиями для гражданина в случае совершения им нового преступления. Если новое преступление совершено до вступления обвинительного приговора в законную силу, т.е. до возникновения состояния судимости, эти последствия не наступают. В частности, лицо не считается рецидивистом¹³. Не вступивший в законную силу обвинительный приговор суда не учитывается и при решении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом¹⁴. Однако наказание за новое преступление, совершенное после вынесения обвинительного приговора, но до его вступления в законную силу, назначается не по совокупности преступлений (ст. 40 УК ЭССР), а по нескольким приговорам (ст. 41 УК ЭССР). Вместе с тем,

---

¹³ См. Ilmar R e b a n e. Nõukogude kriminaalõigus. Üldosa. Opetus karistusest. I osa. Tartu, 1971, lk. 200. Недостаточно четко этот вопрос изложен в комментированном издании УК ЭССР. Из текста комментированного издания возможны противоречивые выводы. См. Eesti NSV kriminaalkoodeks. Kommenteeritud väljaanne. Koost. Ilmar R e b a n e. Tln., 1972, § 41 komm 1.

¹⁴ См. п. П Постановления № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 г. "О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 июня 1963 г. № 8 "О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами" - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1970, № 3, стр. 18.

так как судимости не имеет лицо, в отношении которого обвинительный приговор еще не вступил в законную силу, то совершенное им новое преступление не может быть квалифицировано по статьям Особенной части УК, предусматривающим в виде отягчающего обстоятельства судимость виновного (например, статьи 68, ч. 2; 195, ч. 2 и др. УК ЭССР).

Из правила, согласно которому состояние судимости возникает в момент вступления обвинительного приговора в законную силу, советскому уголовному праву известно лишь одно исключение. Дело в том, что лица, условно осужденные, имеют судимость в течение испытательного срока. Между тем начало испытательного срока исчисляется с момента провозглашения обвинительного приговора¹⁵. Следовательно, условно осужденные имеют судимость с момента провозглашения обвинительного приговора.

Такой порядок исчисления срока погашения судимости представляется для условно осужденного более благоприятным. Если течение испытательного срока, а вместе с тем и срока погашения судимости исчислялось бы не с момента провозглашения обвинительного приговора, а с момента вступления последнего в законную силу, то пришлось бы в случае совершения условно осужденным после провозглашения, но до вступления обвинительного приговора в законную силу, нового преступления, к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединить условно назначенное наказание по правилам ст. 41 УК ЭССР (назначение наказания по нескольким приговорам). Если же течение испытательного срока, а вместе с тем и срока погашения судимости исчисляется с момента провозглашения обвинительного приговора, то такое присоединение отнюдь не всегда обязательно. В рассматриваемых случаях наказания слагаются только тогда, ког-

---

¹⁵ См. постановление № 5 Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1971 г. "О порядке исчисления испытательного срока при применении условного осуждения кассационной (надзорной) инстанцией." - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1971, № 4, стр. II.

да условно осужденный умышленно совершил новое преступление, за которое он приговорен к лишению свободы (ст. 47 ч. 3, УК ЭССР). В остальных случаях испытательный срок за первое преступление продолжает течь, и к исполнению обращается только наказание, назначенное за новое преступление.

Разумеется, условно осужденный признается имеющим судимость с момента провозглашения обвинительного приговора лишь при условии вступления этого приговора в законную силу.

3. Лицо имеет судимость только за конкретное преступление или несколько конкретных преступлений. Судимость длится в течение определенного срока, в который входит время отбывания наказания, а затем погашается или может быть снята. Если судимость погашена или снята, неблагоприятные для осужденного последствия, вытекающие из состояния судимости, исключаются. Лицо, судимость которого погашена или снята, вправе на вопрос о прежней судимости отвечать "не судим". В официальных документах, в том числе и в приговоре суда не допускаются ссылки на судимость такого лица.¹⁶

---

¹⁶ См. определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 февраля 1967 г. по делу Снегирова Г.Г. - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1967, № 3, стр. 40-41. На самом деле это требование не всегда выполняется. В частности, оно игнорируется судебной практикой при определении вида исправительно-трудовой колонии в приговоре суда. В соответствии со ст. 23, ч. 4, п. 3, "Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" отбывание наказания в исправительно-трудовых колониях назначается мужчинам, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы, - в колониях строгого режима. Между тем Пленум Верховного Суда СССР в п. 6 постановления № 8 от 19 октября 1971 г. "О практике назначения судами видов исправительно-трудовых учреждений лицам, осужденным к лишению свободы" указывает: "под ранее отбывавшими наказанием в виде лишения свободы" следует понимать лиц, которые за совершенное в прошлом преступление были осуждены к наказанию в виде лишения свободы и отбывали это наказание в тюрьме, исправительно-трудовой колонии или в воспитательно-трудовой колонии, независимо от снятия или погашения судимости к моменту вынесения приговора за вновь совершенное преступление." - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1971, № 6, стр. 17. Совершенно справедливо такая точка зрения в советской уголовно-правовой литературе подвергнута принципиальной критике. См. Курс советского уголовного права. Т. III. Наказание. Ред. колл. А.А. Пионтковский. П.С. Ромашкин. В.М. Чихиквадзе. М., 1970, стр. 319-320.

III. Погашение судимости

1. В некоторых случаях судимость автоматически погашается в момент освобождения от отбывания наказания. Так, несудимыми признаются военнослужащие, отбывшие наказание в дисциплинарном батальоне или условно-досрочно либо в порядке амнистии или помилования освобожденные из него. Не считаются судимыми также военнослужащие, отбывшие наказание в виде содержания на гауптвахте, назначенное вместо исправительных работ без лишения свободы. Судимость всех этих военнослужащих погашается в момент отбывания ими наказания либо условно-досрочного или досрочного освобождения их от наказания. Условно-досрочно освобожденные из дисциплинарного батальона не имеют судимости и в течение испытательного срока. Но в период отбывания наказания в дисциплинарном батальоне или на гауптвахте военнослужащие признаются судимыми.

2. В остальных случаях лицо имеет судимость в течение определенного срока после отбывания основного и дополнительных наказаний. По истечении этого срока судимость погашается или же может быть снята судом. Непогашенная судимость может быть снята также в порядке помилования или амнистии.

Период времени, в течение которого лицо после отбывания основного и дополнительных наказаний имеет судимость и по истечении которого она погашается (при условии несовершения им нового преступления), называется сроком погашения судимости. Продолжительность этого срока в пределах от одного года до восьми лет обусловлена тяжестью назначенного судом основного наказания.

Сроки погашения судимости следующие:

1) один год для лиц, осужденных к исправительным работам, лишению права занимать определенные должности или за-

ниматься определенной деятельностью, штрафу или общественному порицанию (ст. 58, ч. I, п. 3, УК ЭССР);

2) три года для лиц, осужденных к лишению свободы на срок не свыше трех лет, ссылке или высылке (ст. 58, ч. I, п. 4, УК ЭССР);

3) пять лет для лиц, осужденных к лишению свободы на срок более трех лет, но не свыше шести лет (ст. 58, ч. I, п. 5, УК ЭССР);

4) восемь лет для лиц, осужденных к лишению свободы на срок более шести лет, но не свыше десяти лет (ст. 58, ч. I, п. 6, УК ЭССР). Для лиц, осужденных к лишению свободы сроком на десять лет, срок погашения судимости также восемь лет.

Срок погашения судимости зависит от назначенного судом наказания и тогда, когда исправительные работы вследствие злостного уклонения от отбывания последних заменены лишением свободы¹⁷. В этих случаях при исчислении срока погашения судимости следует исходить из того, что основное наказание было назначено в виде исправительных работ. Зачет предварительного заключения в срок отбывания наказания (ст. 45 УК ЭССР) также не имеет значения при исчислении срока погашения судимости. Если в результате зачета предварительного заключения наказание, фактически подлежащее отбыванию, меньше по сравнению с назначенным по приговору суда наказанием, то срок погашения судимости все равно исчисляется, исходя из назначенного судом наказания (см. ниже, п. 3).

Если основное наказание, назначенное судом, заменено более мягким видом наказания или в силу акта амнистии или помилования снижено, либо если лицо по иным основаниям, предусмотренным законом, досрочно освобождено от отбывания наказания, то срок погашения судимости исчисляется, исходя из фактически отбытого основного и дополнительных наказаний (ст. 58, ч. 3, УК ЭССР). Сказанное относится и к лицам,

---

¹⁷ См. п. I постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 18 марта 1970 г. "Об исчислении срока погашения судимости" - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1970, № 3, стр. 18.

к которым назначенное судом наказание снижено введением в действие нового уголовного закона, предусматривающего более мягкое наказание (см. ниже, п. 3)¹⁸. На лиц, досрочно освобожденных от отбывания наказания вследствие заболевания тяжелым неизлечимым недугом (ст. 52 УК ЭССР), этот порядок исчисления срока погашения судимости, однако, не распространяется.

Если наказание назначено за совокупность преступлений (ст. 40 УК ЭССР), то при исчислении срока погашения судимости следует исходить из назначенного судом окончательного основного наказания. Следовательно, за все преступления, входящие в совокупность, установлен один единый срок погашения судимости. Отдельно за каждое преступление, входящее в совокупность, срок погашения судимости не исчисляется.

Если окончательное наказание назначено по нескольким приговорам (ст. 41 УК ЭССР) и суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединил неотбытую часть наказания по предыдущему приговору, то срок погашения судимости за преступление, совершенное после вынесения приговора, исчисляется отдельно. При этом следует исходить из окончательного основного наказания, назначенного судом за это преступление. Отдельно исчисляется срок погашения судимости и за первое преступление, исходя из окончательного основного наказания, назначенного за это преступление. Однако часть наказания, присоединенная к наказанию, назначенному за новое преступление, при исчислении срока судимости за первое преступление не учитывается. В случае назначения наказания по нескольким приговорам лицо имеет две судимости, во-первых, за преступление, совершенное после вынесения приговора за первое преступление, и, во-вторых, за преступление, совершенное до вынесения

---

¹⁸ См. п. I постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 18 марта 1970 г. "Об исчислении срока погашения судимости" - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1970, № 3, стр. 18.

этого приговора. В случае же совокупности преступлений лицо имеет только одну судимость, хотя и за несколько преступлений.

3. Срок погашения судимости и с ч и с л я е т с я с м о м е н т а фактического освобождения от отбывания основного и дополнительных наказаний, независимо от того, было ли лицо освобождено в связи с отбытием наказания или досрочно.

Срочные наказания считаются отбытыми по истечении их срока; штраф — с момента поступления в доход государства денежной суммы, подлежащей взысканию; общественное порицание — с доведением до сведения общественности обвинительного приговора суда; конфискация имущества — с приведением в исполнение приговора о конфискации имущества; лишение воинского или специального звания — по вступлении в законную силу обвинительного приговора суда.

Если мера наказания снижена, например, в связи с изменением после введения нового уголовного закона квалификации преступления либо при рассмотрении дела в кассационном порядке или новом рассмотрении дела после отмены приговора в порядке судебного надзора, и если при этом осужденный фактически отбыл больший срок наказания, чем вновь назначенный, то срок погашения судимости исчисляется с момента истечения срока окончательной меры наказания, а не фактически отбытого срока¹⁹. Аналогичная ситуация может возникнуть и при снижении наказания в порядке помилования или амнистии, если в акте амнистии или помилования этот вопрос не решен иначе. Если же время предварительного заключения превышает срок наказания, назначенный судом, то срок погашения судимости исчисляется с момента вступления приговора в законную силу, исходя из назначенного основного наказания.

---

¹⁹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1970 г. по делу Быстрова Р.И. — "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1970, № 4, стр. 14-16.

IV. Прерывание течения срока судимости

По истечении срока погашения судимости она погашается лишь тогда, если лицо в течение этого срока не совершит какого-либо нового преступления. В случае совершения нового преступления течение срока погашения судимости прерывается, т.е. истекшая часть срока погашения судимости аннулируется и этот срок исчисляется заново после фактического отбытия основного и дополнительных наказаний за последнее преступление. В этих случаях лицо считается судимым за оба преступления до истечения срока погашения судимости за наиболее тяжкое преступление (ст. 58, ч. 4, УК ЭССР). Более тяжким признается преступление, срок погашения судимости за которое более продолжительный.

Такой порядок исчисления сроков погашения судимости применяется, в частности, к лицам, отбывшим наказание за ранее совершенное преступление и совершившим новое преступление до истечения срока погашения судимости за первое преступление. К лицам, отбывшим наказание за первое преступление, следует отнести также лиц, осуждение которых за новое преступление исключает дальнейшее применение неполностью отбытого наказания по первому приговору потому, что суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору в соответствии со ст. 41 УК ЭССР. Этот порядок исчисления срока погашения судимости неприменим к лицам, вновь совершившим преступление, судимость которых за первое преступление погашена или снята. Этот порядок неприменим и в тех случаях, если лицо, хотя и осуждено за ранее совершенное преступление, но наказания за это преступление не отбывало, так как было освобождено от наказания, например, на основании статей 49, 54 или других УК ЭССР. Если же лицо будет освобождено от наказания за новое преступление, совершенное в течение срока погашения суди-

мости по первому приговору, то этот срок прерывается и исчисляется заново с момента совершения нового преступления, причем за новое преступление лицо судимости не имеет. Особые правила исчисления срока погашения судимости, о которых будет сказано ниже, применяются к условно-осужденным, совершившим в течение испытательного срока новое преступление.

У. Срок погашения судимости в случае лишения родительских прав

Лишение родительских прав является дополнительным наказанием, применение которого каким-либо сроком не ограничено. Эти права могут быть лишь восстановлены судом по представлению органов опеки или попечительства, либо комиссии по делам несовершеннолетних. Если родительские права не будут восстановлены судом, лишение их может продолжаться пожизненно. Поскольку же течение срока погашения судимости начинается с момента отбытия основного и дополнительных наказаний, то получается, что судимость лица, лишенного родительских прав, вообще не может быть погашена до того, как эти права не восстановлены судом. Во избежание подобного вывода закон предусматривает, что лишение родительских прав не учитывается при погашении или снятии судимости (ст. 58, ч. 5, УК ЭССР).

УІ. Снятие судимости

1. До истечения срока погашения судимости она может быть снята судом, если осужденный к лишению свободы после отбытия им наказания примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление. Судимость может быть снята по ходотайству общественной организации, наблюдательной комиссии, а в отношении несовершеннолетнего также и по представлению комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 58, ч. 2, УК ЭССР). Разумеется, судимость может быть снята и до истечения срока ее погашения в порядке помилования или амнистии. Возможность снятия судимости до истечения срока ее погашения имеет стимулирующее значение при окончательном исправлении и перевоспитании осужденного.

2. В некоторых случаях судимость не погашается вообще и может быть только снята по определению суда или в порядке амнистии или помилования. Судимость не погашается и может быть только снята с лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше десяти лет, а также с особо опасных рецидивистов. Судимость с таких лиц может быть снята судом, если они в течение восьми лет со дня отбытия основного и дополнительных наказаний не совершат нового преступления и если при этом будет установлено, что они исправились и нет необходимости считать их имеющими судимость (ст. 58, ч. 1, п. 7, УК ЭССР). Восемилетний срок исчисляется так же, как срок погашения судимости. Независимо от истечения указанного восьмилетнего срока судимость о этих лиц может быть снята и в порядке помилования или амнистии.

Установление подобного порядка снятия судимости вызвано необходимостью дальнейшей проверки поведения лиц, хотя и отбывших наказание, но совершивших тяжкие преступления,

либо признанных особо опасными рецидивистами. Недопустимо считать таких лиц несудимыми, если они и после отбытия наказания представляют собой общественную опасность.

УП. Специальные случаи исчисления срока погашения судимости

1. Выше указывалось, что условно осужденные имеют в течение испытательного срока судимость. Судимость этих лиц погашается, если они в течение испытательного срока не совершат нового преступления.

В случае умышленного совершения условно осужденным в течение испытательного срока нового преступления, за которое он осужден к лишению свободы, срок погашения его судимости исчисляется на общих основаниях, исходя из фактически отбытого наказания, с момента освобождения от отбывания основного и дополнительных наказаний. При этом имеет в виду окончательное наказание, назначенное по нескольким приговорам (ст. 41 УК ЭССР).

Этот порядок исчисления срока погашения судимости, однако, неприменим, если условно осужденный в течение испытательного срока совершит новое преступление, к наказанию за которое условно назначенное наказание не может быть присоединено. Такое присоединение, как известно, не допустимо в тех случаях, если новое преступление совершено по неосторожности, или за это преступление назначено наказание, не связанное с лишением свободы, либо виновный вообще освобожден от наказания за это преступление.

Если к наказанию за новое преступление, совершенное в течение испытательного срока, условно назначенное наказание не может быть присоединено, то срок погашения судимос-

ти исчисляется отдельно за каждое преступление: за новое преступление на общих основаниях, а за второе — по особым правилам.

Ю.М.Ткачевский полагает, что в рассматриваемых случаях сроки погашения судимости применительно к тому преступлению, за которое виновный осужден условно, будут такими же, как и при осуждении к реальному наказанию, но началом течения сроков в погашение судимости нужно считать момент окончания испытательного срока²⁰. Подобная конструкция нам представляется неприемлемой. Срок погашения судимости исчисляется с момента освобождения от фактического отбывания наказания. Условно же осужденный, испытательный срок которому не отменен, несмотря на совершение им нового преступления, не отбывал наказания. Судимость он имеет лишь потому, что по закону его считают в течение испытательного срока судимым. Испытательный срок и срок погашения судимости в данном случае равны. Поскольку же срок погашения судимости в результате совершения условно осужденным нового преступления прерван, то этот срок исчисляется заново с момента совершения нового преступления. Но при этом продолжительность срока погашения судимости, хотя и исчисляемого заново, должна оставаться прежней, то есть должна быть равна испытательному сроку по первому приговору. В то же время течет на общих основаниях срок погашения судимости и за второе преступление. В этих случаях лицо считается судимым за оба преступления до истечения срока погашения судимости за наиболее тяжкое из них. При этом вполне возможно, что испытательный срок истечет до наступления срока погашения судимости, так как испытательный срок в данном случае, несмотря на совершение нового преступления, не отменен и к наказанию, назначенному за новое преступление, условно назначенное наказание не присоединяется.

---

²⁰ См. Ю.М.Ткачевский. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970, стр. 77.

Несколько иной порядок исчисления срока погашения судимости применяется в тех случаях, когда в порядке помилования или амнистии лицу, частично отбывшему наказание, еще неотбытую часть наказания заменяют условным осуждением. В этих случаях виновный фактически уже отбывал наказание и вполне возможно исчисление ему срока погашения судимости, исходя из фактически отбытого наказания, с момента освобождения от отбывания основного и дополнительных наказаний. Если же этот срок истекает до окончания испытательного срока, установленного актом помилования или амнистии, то срок погашения судимости автоматически удлиняется до окончания этого испытательного срока, поскольку лицо имеет судимость и в течение испытательного срока²¹.

2. Судимым признается также лицо, условно осужденное к лишению свободы и на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12 июня 1970 г. привлеченное к труду. Оно имеет судимость, начиная с момента вступления обвинительного приговора в законную силу. Судимость погашается, если лицо в течение срока обязательного привлечения к труду не совершит какого-либо нового преступления.

Если лицо, условно осужденное к лишению свободы, в течение срока обязательного привлечения к труду умышленно совершило новое преступление, за которое оно приговаривается к лишению свободы, то срок погашения судимости исчисляется ему на общих основаниях, исходя из окончательного наказания, назначенного по нескольким приговорам (ст. 41 УК ЭССР). Если же условно осужденный к лишению свободы совершил новое преступление, к наказанию за которое условно назначенное лишение свободы не присоединяется (новое преступление совершено по неосторожности; за новое преступление назначено наказание, не связанное с лишением свободы;

---

²¹ См. Э.Борисов. Сроки погашения судимости. - "Советская юстиция", 1965, № 5, стр. 12.

лицо освобождено от наказания за новое преступление), то срок погашения судимости исчисляется ему за каждое преступление отдельно. За новое преступление срок погашения судимости исчисляется на общих основаниях, исходя из фактически отбытого наказания за это преступление, с момента освобождения от отбывания основного и дополнительных наказаний, причем лицо имеет судимость с момента вступления обвинительного приговора в законную силу. Исчисление этого срока за первое преступление производится также на общих основаниях, однако порядок исчисления срока погашения судимости различается в зависимости от того, когда было совершено новое преступление. Это связано с тем, что условно осужденный к лишению свободы не имеет судимости до вступления в законную силу обвинительного приговора²². Следовательно, если новое преступление совершено до вступления обвинительного приговора в законную силу и к наказанию за это преступление не может быть присоединено условно назначенное лишение свободы (новое преступление совершено по неосторожности; за него назначено наказание, не связанное с лишением свободы; лицо освобождается от наказания за новое преступление), то совершение нового преступления не может и прерывать течения срока погашения судимости за первое преступление, так как лицо еще не имеет судимости за это преступление. Судимым за это преступление лицо признается

---

²² Вопрос о судимости лиц, условно осужденных на основании Указа от 12 июня 1970 г. к лишению свободы, и лиц, условно осужденных в соответствии со ст. 47 УК ЭССР, не может быть решен одинаково. Различие состоит в том, что лица, условно осужденные на основании Указа от 12 июня 1970 г. имеют судимость не с момента вынесения обвинительного приговора (судимость с момента вынесения обвинительного приговора имеют условно осужденные на основании ст. 47 УК ЭССР, а с момента вступления обвинительного приговора в законную силу. Объясняется это тем, что испытательный срок при условном осуждении на основании ст. 47 УК ЭССР течет с момента вынесения обвинительного приговора, а при условном осуждении к лишению свободы на основании Указа от 12 июня 1970 г. — лишь с момента привлечения осужденных к труду. Поэтому начальный момент судимости последних не может быть приравнен к начальному моменту судимости первых.

лишь с момента вступления обвинительного приговора в законную силу. Если же условно осужденный к лишению свободы совершил новое преступление после вступления обвинительного приговора в законную силу и к наказанию за это преступление условно назначенное лишение свободы не может быть присоединено, то течение срока погашения судимости прерывается и исчисляется заново с момента совершения нового преступления. Во всех рассматриваемых случаях сроком погашения судимости по первому приговору считается срок условно назначенного лишения свободы. В этих случаях лицо признается судимым за оба преступления до истечения более продолжительного срока погашения судимости. Вполне понятно, что срок условно назначенного лишения свободы истечет раньше срока погашения судимости, так как в данном случае совершение нового преступления не влечет за собой приведения в исполнение условно назначенного лишения свободы.

Если условно осужденный к лишению свободы с обязательным привлечением к труду хотя и не совершит нового преступления, но направляется для отбывания лишения свободы в места заключения вследствие уклонения от работы, либо систематического или злостного нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка или установленных для него правил проживания, либо инвалидности, не связанной с его производственной деятельностью, то срок погашения судимости исчисляется с момента освобождения его от отбывания наказания, ибо иначе не будет учтен факт нахождения этого лица в местах лишения свободы. Срок погашения судимости в этих случаях три года с момента фактического освобождения от отбывания лишения свободы (ст. 58, ч. I, п. 4, УК ЭССР). Если же указанное лицо после освобождения от отбывания лишения свободы должно отбывать еще дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то началом течения срока погашения судимости считается момент отбытия им дополнительного наказания.

В случаях условно-досрочного освобождения условно осужденного к лишению свободы с обязательным привлечением к

труду или досрочного освобождения его в связи с нетрудоспособностью судимость погашается по истечении срока, от которого осужденный был освобожден, однако только при условии, что он умышленно не совершит нового преступления, за которое он осуждается к лишению свободы²³.

3. Военнослужащие и военнo-обязанные, в отношении которых в военное время исполнение приговора к лишению свободы отсрочено до окончания военных действий (ст. 48 УК ЭССР), имеют судимость с момента вступления обвинительного приговора в законную силу. Они имеют судимость и во время нахождения их в действующей армии. В случае освобождения от наказания судимость их погашается. Если они не будут освобождены от наказания или же наказание им будет лишь заменено более мягким видом наказания, то судимость их погашается по истечении сроков погашения судимости, исчисляемых в общем порядке с момента освобождения их от отбывания наказания. При исчислении этих сроков исходят из фактически отбытого наказания.

4. Советское уголовное право не содержит специальных указаний о судимости лиц, освобожденных от отбывания наказания вследствие заболевания тяжелым неизлечимым недугом (ст. 52 УК ЭССР). Если руководствоваться общей нормой (ст. 58 УК ЭССР), то оказывается, что срок погашения судимости этих лиц зависит от того, когда они были освобождены от наказания. Если они вообще не отбывали наказания и были освобождены еще до того, как обвинительный приговор был приведен в исполнение,

---

²³ См. п. 15 постановления № 14 Пленума Верховного Суда СССР от 23 декабря 1970 г. "О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. "Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду". - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1971, № 1, стр. 14.

то следовало бы признать, что судимость их погашается лишь в момент наступления сроков давности исполнения обвинительного приговора (ст. 54 УК ЭССР). Дело в том, что в силу ст. 53, ч. I, п. 2, УК ЭССР не имеющими судимости, в частности, признаются лица, освобожденные от наказания на основании ст. 54 УК ЭССР (давность исполнения обвинительного приговора). Срок же погашения судимости лиц, уже отбывающих наказание и освобожденных на основании ст. 52 УК ЭССР лишь от дальнейшего его отбывания, следовало бы исчислять, исходя из фактически отбытого наказания, с момента освобождения их от отбывания основного и дополнительных наказаний.

Столь различный способ исчисления сроков погашения судимости лиц, освобожденных на основании ст. 52 УК ЭССР от наказания, вряд ли представляется правильным. Прежде всего следует отметить, что условия течения сроков давности исполнения обвинительного приговора и сроков погашения судимости далеко не одинаковые. К тому же сами эти сроки не совпадают. Тем более вызывает возражения исчисление сроков погашения судимости лиц, освобожденных на основании ст. 52 УК ЭССР лишь от дальнейшего отбывания наказания, исходя из фактически отбытого наказания, с момента освобождения их от основного и дополнительных наказаний. Ведь освобождение в этом случае зависит от такого сугубо объективного обстоятельства как заболевание тяжелым неизлечимым недугом, которое вовсе не свидетельствует об исправлении осужденного. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 5 ноября 1962 г. из ст. 58, ч. I, п. 2, УК ЭССР была исключена ссылка на ст. 52 УК ЭССР²⁴. Между тем не имеющими судимости признаются лица, освобожденные от наказания в силу статей, перечисленных именно в ст. 58, ч. I, п. 2, УК ЭССР. Поэтому более правильным представляется исчисление сроков погашения судимости лиц, освобожденных от наказания вследствие заболевания их тяжелым неизлечимым не-

---

²⁴ ВВС ЭССР 1962, № 44, ст. 159.

дугом, исходя из назначенного судом наказания, с момента вступления обвинительного приговора в законную силу (для лиц, не отбывавших наказания вообще) или с момента фактического освобождения от наказания (для лиц, освобожденных от дальнейшего отбывания наказания).

Таким же образом следовало бы исчислять срок погашения судимости лиц, освобожденных от наказания в связи с заболеванием душевной болезнью (ст. 10, ч. 2, УК ЭССР). О судимости этих лиц советское уголовное право, однако, также не содержит специальных указаний. В то же время очевидно, что душевно больные не в состоянии понимать действительное значение судимости как особого правового состояния. Поэтому вопрос их судимости следовало бы *de lege ferenda* решить на иных основаниях.

5. Выше уже отмечалось, что не имеющим судимости признается лицо, освобожденное от наказания вследствие давности исполнения обвинительного приговора. Однако с момента вступления обвинительного приговора в законную силу до истечения сроков давности обвинительного приговора у этого лица имеется судимость. Судимым признается также лицо, в отношении которого течение давности обвинительного приговора прерывается вследствие уклонения его от отбывания наказания или совершения нового преступления, за которое назначено судом наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года, ссылки или высылки на срок не менее трех лет (ст. 54, ч. 2, УК ЭССР).

6. Лицо, условно-досрочно освобожденное от наказания, имеет судимость в течение срока ее погашения. Этот срок исчисляется, исходя из фактически отбытого наказания. Течение же срока погашения судимости начинается с момента освобождения от отбывания основного наказания, а если лицо должно отбывать еще и дополнительное наказание, то с момента освобождения от отбыв-

вания дополнительного наказания²⁵. Практически срок погашения судимости всегда превышает часть наказания, от отбывания которого лицо было условно-досрочно освобождено. Судимость военнослужащих, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в дисциплинарном батальоне, погашается в момент освобождения их от отбывания наказания. В течение испытательного срока они признаются несудимыми.

Если неотбытая часть основного наказания была заменена более мягким по виду наказанием, то при исчислении срока погашения судимости складываются отбытая часть наказания, назначенного по приговору суда, и более мягкое по виду наказание, назначенное в порядке замены наказаний. При этом более мягкое по виду наказание предварительно переводится в более тяжкий вид наказания, назначенного по приговору суда, руководствуясь правилами о сравнительной тяжести наказаний (ст. 43, ч. 4, УК ЗССР). Срок погашения судимости начинается с момента фактического отбытия более мягкого по виду наказания, назначенного в порядке замены наказаний.

В случае совершения лицом, к которому было применено условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, нового преступления, срок погашения судимости за каждое преступление исчисляется отдельно. При этом течение срока погашения судимости за первое преступление прерывается и исчисляется заново после фактического отбытия основного и дополнительных наказаний за последнее преступление. С момента совершения нового преступления, а не с момента фактического отбытия наказания за это преступление срок погашения судимости заново исчисляется за первое преступление лишь в тех, крайне исключительных случаях, если лицо полностью освобождается от наказания за новое преступление.

---

²⁵ См. п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 г. № 4 "Об исчислении срока погашения судимости". - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1970, № 3, стр. 18.

В случае прерывания течения срока погашения судимости исчисление этого срока за первое преступление зависит от того, было ли к лицу, совершившему новое преступление, применено условно-досрочное освобождение от наказания или же замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Если неотбытая часть наказания за ранее совершенное преступление была заменена более мягким видом наказания, то новый срок погашения судимости за первое преступление исчисляется, исходя из основного наказания, фактически отбытого к моменту обращения в исполнение наказания за последнее преступление, причем отбытое наказание исчисляется путем сложения отбытой части наказания, назначенного по первому приговору, и отбытой части наказания, назначенного в порядке замены наказаний. Если же лицо было условно-досрочно освобождено от наказания за первое преступление, то новый срок погашения судимости за первое преступление исчисляется, исходя из основного наказания, фактически отбытого к моменту условно-досрочного освобождения. За второе преступление, совершенное лицом, к которому было применено условно-досрочное освобождение от наказания либо замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, срок погашения судимости во всех случаях исчисляется, исходя из основного наказания, фактически отбытого осужденным. Этот срок исчисляется на общих основаниях, предусмотренных ст. 58 УК ЭССР. Если при этом наказание за второе преступление назначено по нескольким приговорам (ст. 41 УК ЭССР), то срок погашения судимости исчисляется, исходя из окончательного основного наказания, фактически отбытого осужденным. Во всех случаях совершения нового преступления лицом, к которому было применено условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, это лицо считается судимым за оба преступления до истечения более длительного срока погашения судимости.

При условно-досрочном освобождении от наказания лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет, может оказаться, что неотбытая часть наказания превышает

срок погашения судимости, исчисляемый, исходя из фактически отбытого основного наказания. Подобная ситуация возможна в случае, когда лицо, совершившее преступление в возрасте до восемнадцати лет, условно-досрочно освобождается после отбытия одной трети лишения свободы, срок которого несколько ниже пяти лет²⁶. Поскольку неотбытая часть наказания есть вместе с тем испытательный срок, а в течение испытательного срока лицо имеет судимость, то в таких случаях истечение срока погашения судимости отодвигается. В этих случаях лицо считается судимым до наступления срока неотбытой части наказания. В пользу приведенного решения вопроса говорит и то обстоятельство, что при ином порядке исчисления срока погашения судимости нельзя было бы присоединить к наказанию за новое преступление, совершенное в течение испытательного срока, части наказания, назначенного по первому приговору, которая осталась неотбытой в связи с условно-досрочным освобождением. Дело в том, что к наказанию за новое преступление не может быть присоединено наказание за преступление, судимость по которому уже погашена.

7. При решении вопроса о погашении судимости лиц, условно освобожденных из мест лишения свободы на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. и направленных для работы на строительное предприятия народного хозяйства, следует исходить из срока наказания, отбытого таким лицом к моменту освобождения его из мест лишения свободы. Срок погашения судимости такого лица следует исчислять после истечения неотбытой части наказания, в период которой это лицо обязано было работать на стройках. При досрочном снятии ограничений с

---

²⁶ Более подробно об этих случаях см. Ю.М.Ткачевский. Освобождение от наказания. М., 1970, стр. 142-143.

лица, освобожденного из мест лишения свободы с направлением для работы на строительстве предприятий народного хозяйства, срок погашения судимости исчисляется с момента вынесения судом определения о снятии с него ограничений²⁷.

(Поступила в редакцию 1 ноября 1973 г.).

---

²⁷ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 г. № 4 "Об исчислении срока погашения судимости". - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1970, № 3, стр. 18.

JOOBESSEISUNDI ARVESTAMISEST KARISTUSE MÕISTMISEL

Õigustead. kand. K. N i g o l a

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

Seaduse mõtte kohaselt on joobeseisund kuriteo toimepanemisel kas vastutust raskendav või neutraalne asjaolu. Osa nõukogude kriminaalõigusteadlastest aga leiab, et erandjuhtudel võib kuriteo toimepanemist joobeseisundis arvestada ka vastutust kergendava asjaoluna.

A.Sahharovi arvates on see võimalik esiteks siis, kui kuriteo toimepanemise tinginud joobe konkreetsed iseärasused iseendast ei tõenda subjekti amoraalsust (näiteks kui alkoholi liigpruukimine oli antud isikul ainus, mingi erilise sündmusega seonduv juhuslik fakt, või kui isik joode ti purju just kuriteole kallutamise hõlbustamiseks). Sellekohase näitena toob ta abikaasade L. vahel toimunu. Viimased, kes olid tuntud täiesti korralike inimestena, pühitsid hõbepulmi. Pärast külaliste lahkumist tekkis nende vahel tüli, mis mõlema tunduva joobe tõttu omandas ebatavaliselt terava iseloomu. Siis lõi naine mehele unearteri piirkonda surmava haava.¹

A.Sahharov leiab, et joobeseisund võib kriminaalvastutust kergendada ka nendel juhtudel, mil subjekt joobe tõttu tajub toimuvaid sündmusi ebaõigesti, ei suuda neile vastavalt reageerida ja ümbritsevas olukorras orienteeruda ning kui seejuures alkoholi pruukimise fakt iseenesest ei tõenda isiku negatiivseid omadusi. Taolise juhtumi näitena

---

¹ Vt. A.Б.Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961, стр. 229-230.

esitab A.Sahharov Tš. kuriteo. Viimasele, kes oli tugevas-
ti purjus, tuli hilisõhtul tänaval vastu erutatud naine ja
rääkis, et minut tagasi olevat kaks meest teda naaberpõik-
tänavas röövinud ja püüdnud vägistada. Kuriteokohale min-
nes pörkus Tš. kokku sealtpoolt jooksva meeskodanikuga, pi-
das teda kurjategijaks, lõi ta pikali ja hakkas peksma,
meeskodaniku tõusmisel aga viskas teda telliskiviga surma-
valt. Hiljem selgus, et see isik ei olnud kurjategija.²

Joobeseisundit on vastutust kergendavaks asjaoluks lu-
genud teisedki autorid³ ning üsna ammu ka NSV Liidu Ülem-
kohus.

M. purjutas B. korteris. Pärast viimase uinumist võt-
tis ta kaasa korteriperemehe asju ja lahkus, et neid, nagu
ta seletas, viina vastu vahetada, milleks arvas olevat oma-
niku nõusoleku. M. võeti vastutusele siiski varguse eest.
Puudutades talle mõistetud karistumäära märkis NSV Liidu
Ülemkohus, et kuritegelik tahtlus tekkis süüdistataval
joobeseisundi tagajärjel, mida peab karistuse mõistmisel
arvestama vastutust kergendava asjaoluna.⁴

Joobeseisundi kriminaalvastutust kergendavaks asja-
oluks tunnistamise vastastest nimetagem ennekoike I.Kar-
petsi. Tema toetub oma seisukoha kaitsmisel järgmistele
argumentidele: alkoholism viib kuritegudele; joobeseisun-
dis isikute kuriteod on eriti küünilised, vahel ka eriti
julmad; mõni isik, kel kainena ei jätku otsustavust kuri-
tegu toime panna, otsib julgustust alkoholist; osa kurja-

---

² Vt. sealsamas, lk. 233-234.

³ Vt. näiteks B.C.Орлов. Субъект преступления. М., 1958, стр. 83; И.И.Горелик. Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия. - "Вопросы уголовного права и процесса". Вып. I. Минск, 1958, стр. 34-35.

⁴ Vt. NSV Liidu Ülemkohtu kriminaalasjadega kohtukol-
leegiumi 20. juuli 1946.a. määrust M. süüdistusasjas. -
"Судебная практика Верховного Суда СССР", 1946, вып. 8,
стр. 12-14.

tegijaist arvab, et joobeseisund mingil määral õigustab neid.⁵

Omapärasel positsioonil on vaadeldavas küsimuses S.Šandōko. Tema märgib, et kuna joobeseisundis tulevad ilmsiks isiku mitmesugused pahed, siis ei saa seda seisundit mitte kuidagi tunnistada kergendavaks asjaoluks. Selleks peab ta aga neid muudatusi inimese psüühikas, mille alkoholi esile kutsub (eespool kirjeldatud M. kuriteo puhul süüdlase alusetut kujutlust omaniku nõusolekust vara võtmiseks).⁶

Millist esitatud seisukohtadest toetada?

Joobeseisundi arvestamine vastutust kergendava asjaoluna nendel juhtudel, mil selle konkreetset isearasused ei tõenda subjekti amoraalsust (A.Sahharovi kirjeldatud L. kuritegu), pole kooskõlas "Aluste" §-ga 34 p.10 lg.2 (KrK § 38 p. 10 lg. 2). Nimetatud sätte lubab joobeseisundi vastutust raskendavaks asjaoluks lugemisest hoiduda üksnes k u r i t e o teatava iseloomu, mitte aga subjekti eripära tõttu. Loomulikult tuleks ka joobeseisundi vastutust kergendavaks asjaoluks tunnistamine seada sõltuvusse sellesamast kriteeriumist. Ehk teisiti öelduna: kuriteo toimepanemist joobeseisundis võiks vastutust kergendavaks asjaoluks lugeda ainult siis, kui just joobeseisund annab kuriteole erilise värvingu, mille tõttu see on väiksema ohtlikkusega. Taolised juhtumid on aga raskesti ette kujutatavad.

Tõsi, esimesel pilgul võib säärasena näida A.Sahharovi kirjeldatud Tš. kuritegu. Tema traagiline eksitus sai võimalikuks suurenenud erutuse ja orienteerumise nõrgenemise mõjul. Psüühilise seisundi sellised isearasused üleüldse võivad olla arvestatavad subjekti süü madalamat astet ja

---

⁵ vt. И.И.Карпец. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959, стр. 66.

⁶ vt. С.Т.Шардыко. Влияние состояния опьянения на меру наказания. - Вопросы государства и права. Вып. 2. Минск, 1970, стр. 87, 89.

koos sellega ka kuriteo subjektiivse külje väiksemat ühiskonnaohtlikkust tingivate faktoritena. Käesoleval juhul tuleb aga silmas pidada, et erutusseisund tekkis ja orienteerumine nõrgenes Tš. enda süüalise käitumise tagajärjel (A. Sahharovi esitatud kaasusest ei nähtu, et Tš. joodeti vägivaldselt purju või et ta ei teadnud midagi alkoholi mõjust enesele). Seepärast tundub, et Tš. joobeseisundi lugemine tema kuriteo subjektiivse külje ühiskonnaohtlikkust vähendavaks asjaoluks on ebaõige.

Tš. kuriteo ühiskonnaohtlikkus pole väiksem aga ka siis, kui joobeseisundit lugeda tema süü astet vähendavaks teguriks. Asi on selles, et subjektiivsed faktorid, mis omaette võetuina tõendavad kuriteo suhteliselt väiksemat ohtlikkust, võivad olla neutraliseeritud objektiivsete poolt. Siis ei saa enam öelda, et kuriteo ühiskonnaohtlikkus on väike. Nii on see ka vaadeldaval juhul, kuna joobeseisund tunduvalt suurendas Tš. käitumise objektiivset ohtlikkust. Muide, purjus isikute vägivald on üldse ohtlikum, sest nemad sageli ei vali kasutatavaid vahendeid, ei suuda õigesti hinnata löögi mõju, näitavad üles suuremat visadust kuriteo lõpuleviimisel jne. On üsna tõenäoline, et kainena poleks Tš. haaranud telliskivi ja põhjustanud sellega nii rasket tagajärge.

Näib, et subjektiivsete faktorite osatähtsust kuriteo ühiskonnaohtlikkuse määramisel hindab üle ka A. Gabiani. Ta toob järgmise näite. Raskesti haavatud jahimees vajab viivitamatut operatsiooni, muidu on surm vältimatu. Selle võtab ette puhkusel olev purjus kirurg, sest keegi teine ei saa teda asendada. Operatsioon ebaõnnestub, kusjuures oma osa etendab selles ka kirurgi joobeseisund. A. Gabiani loeb seda vastutust kergendavaks asjaoluks.⁷ Kas ei alahinnatud siin kirurgi käitumise objektiivset ohtlikkust (skalpell purjus kirurgi käes!)?

---

⁷ vt. A. A. Габияни. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Тбилиси, 1968. стр. 123.

Joobeseisundi lugemine vastutust kergendavaks asjaoluks tundub vaadeldavatel juhtudel põhjendamatu just sellepärast, et joobeseisund ei vähendanud nende kuritegude ühiskonnaohtlikkust, kuigi avaldas mõju nende iseloomule. Kuriteo iseloom on aga karistuse mõistmisel arvestatav üksnes niivõrd, kuivõrd ta peegeldab kuriteo ohtlikkuse astet.

Kuriteo ühiskonnaohtlikkus on joobeseisundi tõttu madalam näiteks juhul, kui seif jääb lahti muukimata nimelt purjuspea tõttu. Ometi ei saa ka nüüd joobeseisundile omistada vastutust kergendava asjaolu tähendust. See, kas kuritegu jäi katse staadiumi või viidi lõpule, on karistuse mõistmisel arvestatav vaid kuriteo ühiskonnaohtlikkuse astet määrava faktorina. Kuriteo iseloomu see ei mõjuta. Kuriteokatse iseenesest on karistuse kergendamise alus. Karistuse kergendamine veel ka selle asjaolu tõttu, mille mõjul kuritegu jäi katse staadiumi (kõnealusel juhul joobeseisund), on põhjendamatu.

Elõeldu alusel tuleb siin esitatud seisukohtadest kõige õigemaks pidada I. Karpetsi oma, kuigi tema motiivid on osaliselt väheveenvad.⁸ Täielik õigus on ka S. Šardõkol, kui ta ütleb, et joobeseisundit ei saa mitte kuidagi tunnistada kergendavaks asjaoluks. Vastuväiteid kutsub esile aga tema arvamus sellest, et kergendava asjaoluna on vaadeldavad alkoholijoobest esilekutsutud teatavad muudatused inimese psüühikas. Oleks põhimõtteliselt väär lugeda kergendavateks ka üliväsimust, mis tingitud öisest kaardimängust, enda algatatud tüliga kaasnenud tugevat hingelist erutust jms. süüliselt esilekutsutud tegureid, mis soodustasid kuriteo toimepanemist. S. Šardõko kõnealuse arvamuse elluviimisel praktikas võib süüdlase karistus tegelikult mitte raskeneda, kuigi joobeseisundit arvestati vastutust raskendava asjaoluna. Oletagem, et KrK §-s 204 ettenähtud

---

⁸ Nende kriitika kohta vt. A. A. Габоиани. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Тбилиси, 1968, стр. 135-139.

kuritegu pannakse toime alkoholiuimast tingitud orienteerumisvõime nõrgenemise tulemusena. Kui seda asjaolu lugeda kergendavaks, siis ta ju neutraliseerib joobeseisundi raskendava mõju.

Karistuse kergendamine sel motiivil, et kuritegu pandi toime alkoholi joobest põhjustatud väärkujutluste, erutuse, orienteerumisvõime nõrgenemise jms. mõjul, ei soodusta võitluse tugevdamist kuritegude vastu, mis on vägijookide pruukimise tagajärg.

ОБ УЧЕТЕ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

К. Нигола

Р е з ю м е

В советской юридической литературе не раз высказывалась мысль о том, что совершение преступления в состоянии опьянения может быть в исключительных случаях учтено как смягчающее ответственность обстоятельство. При этом под исключительными случаями понимаются в основном два: 1) когда конкретные обстоятельства опьянения, обусловившие совершение преступления, сами по себе не свидетельствуют об аморальности субъекта и 2) когда общественно опасное посягательство вызвано, главным образом, и тем, что в результате опьянения лицо неправильно воспринимает происходящие события, утрачивает в какой-то мере способность надлежаще реагировать на них, ориентироваться в окружающей обстановке.

Учет состояния опьянения в качестве смягчающего ответственность обстоятельства в первом случае не основан на законе. Согласно ст. 34, п. 10, ч. 2. Основ (ст. 38, п. 10, ч. 2 УК ЭССР) суд в праве не признавать состояние опьянения отягчающим ответственность обстоятельством лишь в зависимости от характера преступления, а не от признаках субъекта. Представляется естественным, что и учет состояния опьянения в качестве смягчающего обстоятельства должен быть постановлен в зависимость от того же критерия. При этом характер преступления имеет значение при назначении наказания лишь постольку, поскольку он отражает общественную опасность совершенного преступления.

Что касается признания состояния опьянения смягчающим обстоятельством во втором случае, упомянутом выше, то и

оно вызывает возражения. Представляется, что неправильное восприятие происходящих событий, утрата способности надлежаще реагировать на них и другие подобные факторы не уменьшают общественной опасности содеянного, если они вызваны субъектом виновно (например, путем добровольного приведения себя в состояние опьянения).

На наш взгляд, состояние опьянения могло бы учитываться как смягчающее обстоятельство лишь тогда, когда опьянение придало преступлению особый оттенок, ввиду чего его общественная опасность меньше. Такие случаи на практике, однако, трудно представить.

ПОНЯТИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ

Канд. юрид. наук Х. К и н г с

Кафедра уголовного права и процесса

Понятие рецидива преступления содержит в себе множество спорных проблем. В последнее время положение усложнилось еще и тем, что уголовное право, исправительно-трудовое право и криминология вкладывают в понятие рецидива преступления различное содержание. Рассмотрим наиболее значительные проблемы определения понятия рецидива преступления.

Ни раннее Российское, ни Советское уголовное законодательства не раскрывают понятия рецидива преступления. Применение рассматриваемого термина законодательством также непоследовательно. Например, в Российском "Уголовном уложении" 1903 года термин "рецидив" вообще не встречается. "Руководящие начала по уголовному праву РСФСР" 1919 года и затем Уголовный кодекс 1922 года уже пользуются данным термином. П. "е" ст. 25 УК РСФСР при вынесении судом наказания указывает на необходимость учитывать, кем совершено преступление, — профессиональным преступником, рецидивистом, либо впервые. В Особенной части термин "рецидив" используется при описании квалифицированных составов лишь в отдельных случаях (ст. 183, ч. 2 — грабеж, ст. 184 ч. I — разбой — в первоначальной редакции).

В "Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" 1924 года совершение преступления рецидивистом расценивалось какотягчающее ответственность обстоятельство (п. "г" ст. 31), однако в 1929 году термин "рецидив" был исключен из перечня обстоятельств,отягчающих ответственность. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и уго-

ловные кодексы других союзных республик также отказались от данного термина.

Термин "рецидив" вновь берут на вооружение "Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" 1958 года, но здесь говорится не о рецидивисте, а об "особо опасном рецидивисте" (ст. 23). В дальнейшем новый термин перенимают и уголовные кодексы союзных республик. Так, ст. 23 Уголовного кодекса Эстонской ССР рассматривает назначение лишения свободы для особо опасного рецидивиста, ст. 42 — признание лица особо опасным рецидивистом, ст. 55* — неприменение условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким видом наказания по отношению к особо опасному рецидивисту, в ст. 75* Особой части рассматривается совершение преступления особо опасным рецидивистом как признак состава преступления. Кроме того, в ряде статей Особой части совершение преступления особо опасным рецидивистом признается квалифицирующим обстоятельством.

Кто же является особо опасным рецидивистом? Согласно ст. 42 УК ЭССР, лицо признается особо опасным рецидивистом по приговору суда. Необходимыми условиями признания лица особо опасным рецидивистом являются совершение им одного из перечисленных в данной статье преступлений, за которое он осуждается к лишению свободы, а также наличие в прошлом осуждения к лишению свободы за преступления, оговоренные в указанной статье, причем судимость за совершенные ранее преступления не должна быть ни погашена, ни снята. Признание лица особо опасным рецидивистом при наличии вышеописанных обстоятельств не обязательно. При решении вопроса, признавать ли лицо особо опасным рецидивистом, суд принимает во внимание личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства дела.^I

---

^I В настоящее время предпосылки признания осужденного особо опасным рецидивистом отрегулированы и законодательством Советского Союза, см. Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1969, № 29, ст. 249.

Термины "рецидивист" и "особо опасный рецидивист" — не идентичны. В теории советского уголовного права существует точка зрения, согласно которой понятие "особо опасный рецидивист" включает в себя и понятие "рецидивист". Однако ошибочно было бы думать, будто рецидивиста отличает от особо опасного рецидивиста лишь степень общественной опасности.

Поскольку понятие рецидива преступления уголовным законодательством не раскрывается, представляет интерес, как оно определяется в теории уголовного права.

В теории уголовного права рецидивное преступление определяется по-разному. Трудно найти другой такой институт, где было бы представлено такое обилие в принципе различающихся между собой точек зрения в части существенных его признаков. Источниками ошибочных концепций, определяющих понятие рецидива преступления, являются, с одной стороны, спекулятивная трактовка этого понятия, с другой стороны, явная недооценка роли наказания в исправлении и перевоспитании преступника как меры предупреждения новых преступлений.

При обобщении различных концепций, рассматривающих понятие рецидива преступления, их можно объединить в три группы. Одни авторы считают рецидивом совершение любого нового преступления независимо от того, было ли лицо осуждено за ранее совершенные преступления, была ли судимость погашена или снята и истекли ли сроки привечения его к уголовной ответственности. Другие придерживаются мнения, что не всякое совершение повторного преступления является рецидивом, — необходимо наличие дополнительных признаков. Третьи требуют различного толкования понятия рецидива в уголовном праве, исправительно-трудовом праве и в криминологии.

Основная проблема определения понятия рецидива заключается в том, считать ли наличие судимости существенным признаком рецидива. Правда, в большинстве случаев соглашались, что рецидивом является совершение нового преступления лицом, имеющим судимость, но при этом обращают внимание на формальность подобного подхода к понятию рецидива.

Например, в двадцатые годы Э.Немировский считал рецидив лишь внешним проявлением антисоциальных склонностей,² Е.Френкель же - формальным признаком, который не всегда является свидетельством особой социальной опасности личности.³

Б.Утевский также находил, что фактическая сущность рецидива значительно шире, рецидивистов же много больше чем лиц, имеющих хотя бы одну судимость.⁴ Э.Немировский считал, что преступники, которые благодаря ловкости, хитрости и опыту успевают многократно совершить преступления, остающиеся безнаказанными, значительно опаснее тех, кто сразу после совершения преступления представляет перед лицом правосудия.⁵

Эти концепции были характерны для теории советского уголовного права не только в первые десятилетия существования советского государства, но сохранились и до нашего времени. Например, А.Яковлев придерживается той точки зрения, что понятию рецидива присущи известные формализм и ограниченность, ибо лицо, впервые привлеченное к уголовной ответственности, может иногда быть гораздо опаснее, чем лицо, неоднократно привлекавшееся к ответственно-

---

² Э.Немировский. Советское уголовное право. Одесса, 1925, стр. 208.

³ Е.Френкель. Меры социальной защиты в отношении рецидивистов-профессионалов на Западе и в СССР. - "Изучение преступности и пенитенциарная практика", вып. 3, 1930, стр. 24.

⁴ Б.Утевский. Несовершеннолетние и молодые рецидивисты. - "Советская юстиция", 1935, № 20, стр. 2.

⁵ Э.Немировский. Преступная профессия в Особенной части УК и в уголовном процессе. - "Изучение преступности и пенитенциарная практика", вып. 3, 1930, стр. 2.

ти.⁶ Аналогичную мысль содержит и изданный в 1960 году учебник "Советское исправительно-трудовое право", где подчеркивается, что центр тяжести при определении понятия рецидива следует перенести на образ жизни преступника, на его привычки, взгляды и качества, не зависимо от того, имел ли он судимость.⁷

После того, как действующее уголовное законодательство связало понятие особо опасного рецидива с институтом судимости, все же трудно отрицать значение данного института при определении понятия рецидива. Поэтому-то и стали различать понятие рецидива в уголовном праве, исправительно-трудовом праве и криминологии. Понятие рецидива в уголовном праве связано с институтом судимости, в исправительно-трудовом праве — с лишением свободы, в криминологическом смысле рецидивом считают совершение любого повторного преступления. И.Карпец, например, пишет: "... для сущности рецидива (и рецидивиста) в криминологическом смысле имеет значение не формальное наличие или отсутствие судимости, не зафиксированный двумя приговорами факт пребывания преступника в местах лишения свободы, а стойкость преступных устремлений личности, выраженная в ее действиях, иногда и не связанных с формальным наличием у такого лица судимости."⁸

Одним из первых в советской криминологической литературе мысль о необходимости различать понятия рецидива в криминологии и в уголовном праве высказал венгерский криминалист и криминолог Т.Хорват в статье, опубликованной в журнале "Советское государство и право", где параллельно с другими вопросами рассматривается и вопрос борьбы с рецидивной преступностью в Венгерской Народной республике.

---

⁶ А.Яковлев. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964, стр. 55.

⁷ Советское исправительно-трудовое право. 1960, стр. 102.

⁸ И.Карпец. Проблема преступности. М., 1969, стр. 114.

Т.Хорват придерживается той точки зрения, что наряду с понятием рецидива в уголовном праве, связанном с совершением нового преступления до истечения сроков судимости за ранее совершенное преступление, необходимо различать и криминологический рецидив, охватывающий поведения также и тех лиц, которые совершают новые преступления после погашения или снятия судимости.⁹ Т.Хорват утверждает, что рецидивистом в криминологическом смысле является лицо, осужденное за ранее совершенное преступление, но не признает существенным, было ли новое преступление совершено до истечения срока судимости либо после ее погашения или снятия. Советские криминологи пошли еще дальше и вообще не считают существенным для криминологического рецидива наличие судимости.¹⁰

Возникает вопрос: есть ли основание для столь принципиально различного толкования понятия рецидива в уголовном праве и криминологии? Единственный аргумент, который приводится в пользу такого разграничения, заключается в упреке в адрес уголовного права, рассматривающего институт рецидива формально, требуя в случае рецидива наличия судимости лица. Различение уголовно-правового и криминологического рецидива позволяет освободиться от судимости как существенного признака рецидива вне сферы уголовного права. Оправдано ли это?

Криминологический рецидив уравнивает совокупность преступлений и уголовно-правовой рецидив и, следовательно, не

---

⁹ Т.Хорват. Новое в судебной практике по уголовным делам в Венгерской Народной республике. - "Советское государство и право", 1968, № 2, стр. 97-98.

¹⁰ См. также М.Гельфер. Борьба с рецидивной преступностью в некоторых социалистических странах. М., 1969, стр. 9; Н.Кузнецова. Преступление и преступность. М., 1969, стр. 179.

придает значения уголовному наказанию.¹¹ Здесь ход рассуждений таков: лицо совершает одно преступление, его привлекают к уголовной ответственности и осуждают, затем оно совершает новое преступление и становится рецидивистом; другое же лицо совершает ряд преступлений и поскольку оно не привлекалось к уголовной ответственности и не было осуждено, то, согласно уголовному праву, оно рецидивистом не является, хотя степень его общественной опасности может быть куда более значительной, чем степень общественной опасности лица, привлекавшегося к уголовной ответственности сразу после совершения первого преступления. Именно отсюда и следует заключение о формальном характере уголовно-правового рецидива.¹² Ошибочность подобного рассуждения заключается в том, что на одну чашу весов ставится рецидивист, совершивший только два преступления, а на другую — преступник, совершивший множество преступлений. Сравнение же носит объективный характер лишь тогда, когда лица совершили равное число преступлений приблизительно сходных по характеру и степени общественной опасности. Если мы сравниваем, с одной стороны, лицо, совершившее преступление, привлеченное к уголовной ответственности и осужденное, а затем совершившее новое преступление, и с другой стороны, лицо, совершившее подряд два преступления без привлечения к уголовной ответственности за совершение первого преступления

---

¹¹ Известный толчок формированию понятия криминологического рецидива дало и наше уголовное законодательство. Так, ни в Общей, ни в Особенной частях УК ЭССР, как правило, не делается различия между совокупностью преступлений и рецидивом в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность. Совокупность и рецидив в п. 1 ст. 38 Общей части УК ЭССР рассматриваются как равносильные отягчающие ответственность обстоятельства. И в Особенной части УК ЭССР совокупность и рецидив являются равносильными отягчающими ответственность обстоятельствами. Исключение составляют лишь несколько случаев (например, ст. 68, 86 и др.).

¹² И. Карпец. Проблема преступности. М., 1969, стр. 114-115.

(особенно, если эти преступления были совершены подряд), мы придем к совершенно иным выводам.

Совершение нового преступления после осуждения за первое обычно свидетельствует о более глубоких антиобщественных взглядах и привычках по сравнению со случаем, когда лицо совершает два преступления подряд.

Совершение лицом нового преступления, несмотря на отрицательную реакцию общества, выраженную в форму осуждения и наказания, в большинстве случаев свидетельствует о закоренелости его антиобщественных взглядов и привычек, которые данные вид и мера наказания оказались не в состоянии исправить и перевоспитать. Бесплодными оказались и карательное действие наказания, и страх перед новым наказанием. Совершение двух преступлений подряд не дает еще достаточных оснований для утверждения, будто совершение нового преступления свидетельствует о наличии особенно глубоких антиобщественных взглядов и привычек. Хорошо известно, что совершение нового преступления после того, как за совершением преступления не последовало со стороны общества никакой реакции, потому ли, что преступление не было раскрыто, или по какой-нибудь другой причине, требует значительно меньшей решительности, поскольку легкомысленная надежда преступника на безнаказанность лишь укрепилась.

С другой стороны, при предупреждении очередного, предположим, третьего по счету преступления общество в отношении этих преступников стоит перед совершенно различными проблемами. Если лицо ранее судимо не было, можно надеяться на то, что оно сделает соответствующие выводы из привлечения его к уголовной ответственности и осуждения и в дальнейшем воздержится от совершения новых преступлений. Даже в том случае, если воспитательное воздействие наказания окажется безрезультатным и лицо не изменит своих антиобщественных взглядов, остается еще надежда на то, что страх перед новым наказанием удержит его от совершения нового преступления.

Значительно сложнее обстоят дела с лицом, уже осужденным ранее. Если однажды воспитательное и карательное воз-

действия наказания оказались бесплодными, какие особые обстоятельства дадут основание надеяться на эффективность нового наказания? Вся надежда возлагается на изменение вида и меры наказания.

Следовательно, если два лица при прочих равных обстоятельствах совершат по два преступления каждое, причем одно лицо за ранее совершенное преступление уже привлекалось к уголовной ответственности и было осуждено, другое же нет, то эти лица существенно различаются между собой как по степени общественной опасности, так и с точки зрения мер по предупреждению новых преступлений. Со стороны лица, имеющего судимость, совершение нового преступления демонстрирует в большинстве случаев большую общественную опасность лица и ставит значительно более сложные проблемы в деле предотвращения новых преступлений. В этом-то и состоит специфика рецидива по сравнению с совокупностью преступлений. Различие это носит не только юридический характер.

Отказ от судимости при определении понятия рецидива в криминологии по сути означал бы прекращение криминологического изучения специфических проблем рецидива. В то же время предупреждение новых преступлений со стороны лица, имеющего судимость, является одной из наиболее острых проблем криминологии — ведь почти треть преступлений совершают рецидивисты.

Из вышеприведенного не следует, будто изучение совокупности преступлений не представляет интереса для криминологии. Неоднократные преступные нападения (и в случае, если виновный не был судим за ранее совершенные преступления), обычно наносят правопорядку больший урон, чем однократное нападение. Повторное совершение преступления свидетельствует в большинстве случаев о формировании преступных привычек, не исключено и формирование антиобщественной установки. Чем глубже укоренились антиобщественные настроения, взгляды и привычки, тем с большим трудом преступник подчиняется исправительному воздействию наказания. Отсюда вытекает необходимость исследования специфики этого особого вида преступности в криминологии. И все же даже без

специального исследования проблемы ясно, что существенным фактором предупреждения совокупности преступлений является своевременное раскрытие преступления, а также применение к совершившему преступление лицу необходимых мер воздействия и прочих профилактических средств.

Другая важная проблема, вызвавшая споры относительно определения понятия рецидива, связана с погашением или снятием судимости. Уголовный кодекс в данном вопросе стоит на конкретной точке зрения: совершенное ранее преступление следует учитывать при признании лица особо опасным рецидивистом (п. 3 ст. 42 УК ЭССР), в качестве отягчающего ответственность обстоятельства (п. 2 ст. 38 УК ЭССР), а также как квалифицирующее обстоятельство в Особенной части только в том случае, если судимость не погашена и не снята (ст. 58 УК ЭССР).

В теории уголовного права все же неоднократно оспаривалась связь института рецидива с погашением или снятием судимости. Например, В.Владимиров высказал мысль, согласно которой, если судимость не характеризует юридическое положение, а лишь общественную опасность лица, институт погашения или снятия судимости не имеет существенного значения.¹³ Этот вопрос вновь встал на повестку дня в связи с криминологическим рецидивом. Как известно, Т.Хорват придерживается точки зрения, согласно которой при криминологическом рецидиве не играет существенной роли факт погашения или снятия судимости. Аналогичную позицию занимает Н.Кузнецова, И.Карпец и М.Гельфер.

Сомнения в вопросе применимости института судимости при определении понятия рецидива обусловлены формально-юридическим рассмотрением данного института. Обычно погашение или снятие судимости мотивируется гуманными принципами советского уголовного права. Снятие или погашение судимости

---

¹³ В.Владимиров. Преступления против личной собственности граждан по советскому уголовному праву союзных республик. - "Советское государство и право", 1962, № 8, стр. 73.

действительно является свидетельством гуманности советского уголовного права, но оно осуществляется не только по соображениям гуманности.

Уголовная статистика показывает, что подавляющее большинство новых преступлений совершается в первые годы по освобождении от отбытия наказания. Например, анализ преступности несовершеннолетних в Эстонской ССР показал, что треть лиц, совершивших новые преступления после вынесения приговора за ранее совершенное преступление, совершили их в период отбытия наказания либо непосредственно по освобождении от отбытия наказания (в течение первых двух месяцев), за срок до года совершило новые преступления 77%, за первые три года — свыше 90% исследованных. Аналогичные результаты получены и другими криминологическими исследованиями.¹⁴

Эти данные свидетельствуют о том, что совершение новых преступлений в подавляющем большинстве связано с преступлениями, совершенными ранее. Ярче всего связь между ранее совершенными и новыми преступлениями проявляется тогда, когда новое преступление совершается сразу после отбытия наказания. Есть и такие примеры, когда новое преступление совершается в день освобождения от отбытия наказания или в день вынесения приговора.

Если лицо совершает новое преступление через много лет после освобождения от наказания за первое преступление, вряд ли можно утверждать о наличии какой-либо связи между ранее совершенным и новым преступлениями. На фактор времени, свидетельствующий о наличии или отсутствии связи между ранее совершенным и новым преступлениями, обратили внимание уже Н.Сергеевский и С.Познышев, которые подчеркивали, что если новое преступление отделяет от предыдущего продолжительный период времени, то первое не дает оснований

---

¹⁴ П.Михайленко, И.Гельфанд. Рецидивная преступность и ее предупреждение органами внутренних дел. Киев, 1970, стр. 64-65.

для усиления ответственности.¹⁵ П. Михайленко также отмечает, что чем больше времени прошло с момента ранее совершенного преступления, тем меньше оснований связывать новое преступление с преступлением, совершенным ранее, и рассматривать новое преступление как рецидив.¹⁶ В литературе встречается предложение ввести специальные сроки, на протяжении которых ранее совершенное преступление рассматривается какотягчающее ответственность обстоятельство при совершении нового преступления, т.е. в добавлении к существующим срокам погашения или снятия судимости. Данное предложение поддержки не встретило. Справедливо, что введение дополнительных сроков к существующим срокам погашения или снятия судимости не имеет смысла. В сроках погашения или снятия судимости и зафиксирован тот период времени, в течение которого есть основания полагать наличие связи между ранее совершенным и новым преступлениями.

Действующие сроки погашения или снятия судимости все же нуждаются в уточнении. Сейчас это зависит только от степени тяжести преступления (точнее, от тяжести фактически примененного наказания), а их связь с генезисом нового преступления не исследована. Как показывают имеющиеся данные, сроки погашения или снятия судимости во многих случаях не реальны. Следовательно, проблема не состоит не в том, обоснован ли институт погашения или снятия судимости и применим ли он при определении понятия рецидива, а в конкретных сроках погашения или снятия судимости.

Изучение института судимости с точки зрения генезиса нового преступления представляет интерес не только потому, что в сроках совершения нового преступления выявляются известные статистические закономерности, которые действующим

---

¹⁵ Н. Сергеевский. Русское уголовное право. Часть общая. 1911, стр. 367; С. Познышев. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923, стр. 274.

¹⁶ П. Михайленко, И. Гельфанд. Рецидивная преступность и ее предупреждение органами внутренних дел. Киев, 1970, стр. 64.

законодательством не учитываются. Представляет интерес и сущность взаимосвязи ранее совершенного и нового преступлений: в чем по существу эта связь проявляется?

Данные о рецидивной преступности свидетельствуют о том, что рецидивное преступление совершается под воздействием тех же антиобщественных взглядов, которые вызвали и предыдущее преступление. Если лицо совершает новое преступление непосредственно после осуждения, в период отбывтия наказания или сразу после освобождения от него, значит новое преступление совершено под решающим влиянием или, по крайней мере, при содействии антиобщественных взглядов, сформировавшихся уже до совершения первого преступления и обусловивших его. Если наказание не оказало на осужденного должного исправительного воздействия, это скажется, и довольно скоро, на его поведении. Такие лица активно ищут возможности совершить новое преступление и совершают его в исключительно неблагоприятных условиях, не говоря уж об обязательном использовании благоприятных возможностей. Специфические проблемы рецидива связаны именно с эффективностью наказания.

Но не всякий раз совершение нового преступления после осуждения и отбывтия наказания свидетельствует о неэффективности наказания и, следовательно, о рецидиве. Лицо, исправившееся в ходе отбывтия наказания, также может совершить новое преступление, но на это ему потребуется значительно больший период времени. Чтобы исправившееся лицо совершило новое преступление, оно должно вновь попасть в неблагоприятные условия, под влиянием которых у него формируется антиобщественные взгляды. Обычно это длительное процесс и генезис нового преступления в таком случае аналогичен генезису первичного преступления. Следовательно, если новое преступление совершается по истечении долгого времени после отбывтия наказания за ранее совершенное преступление, связь, по всей вероятности, утрачивается, и нет оснований рассматривать новое преступление как рецидив.

Связь между ранее совершенным и новым преступлениями определяется не только критерием времени. Важен и характер совершенных преступлений.

На основании характера ранее совершенного и нового преступлений в уголовно-правовой теории различают общий и специальный рецидив. Специальным рецидивом является совершение нового преступления лицом, которое было ранее осуждено за такое же или однородное преступление. Общим рецидивом является совершение нового преступления лицом, ранее осужденным за неоднородное преступление.¹⁷

При специальном рецидиве связь между ранее совершенным и новым преступлениями более или менее очевидна и наряду с известными сформировавшимися антиобщественными взглядами можно говорить об известных находящихся в стадии формирования либо уже сформировавшихся антиобщественных привычках. Если же новое преступление неоднородно совершенному ранее, установление связи между преступлениями затруднено. Это находит свое отражение и в теории уголовного права, и в законодательстве.

В теории подлинным рецидивом склонны считать все же специальный рецидив. Например, В.Никифоров высказал мнение, согласно которому общий рецидив не дает оснований для усиления ответственности.¹⁸ Уголовное законодательство также признавалоотягчающим ответственность обстоятельством в большинстве случаев специальный рецидив. Так, "Уголовное уложение" России 1903 года рассматривает как отягчающее ответственность обстоятельство совершение нового однородного преступления с назначением наказания по статьям, предусматривающим назначения наказания для привычных и профессиональных преступников.¹⁹ Уголовный кодекс РСФСР 1922

---

¹⁷ В теории уголовного права также высказано мнение, что общим рецидивом является совершение любого преступления лицом, отбывшим наказание за любое преступление. Однако в таком случае понятие "общий рецидив" отождествляется с понятием "рецидив" и специфика понятия "общий рецидив" пропадает. В настоящей работе общий и специальный рецидив рассматриваются как взаимоисключающие по своему объему понятия.

¹⁸ В.Никифоров. О рецидиве и судимости. - "Советское государство и право", 1957, № 5, стр. 103.

¹⁹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Издание Н.Таганцева. Спб., 1904. стр. 127 и след.

года также ориентировался на специальный рецидив. К такому выводу пришел анализирувавший его М. Гродзинский. Одновременно он отмечал, что неправильно признаватьотягчающим ответственность обстоятельством только специальный рецидив, ибо рецидивисты далеко не узкие специалисты и они сравнительно легко переключаются с одного вида преступления на другой.²⁰ Позднейшее законодательство уделило общему рецидиву больше внимания.

Согласно Уголовному кодексу Эстонской ССР обе формы рецидива являютсяотягчающими ответственность обстоятельствами. Самостоятельным квалифицирующим обстоятельством в Особенной части УК ЭССР все же является только специальный рецидив. Общий рецидив является квалифицирующим обстоятельством в Особенной части УК ЭССР только при условии, если по признакам особо опасного рецидива предусмотрены квалифицирующие составы. Так, лицо может быть признано особо опасным рецидивистом за преступления, неоднородные с преступлением, за которое оно привлекается к уголовной ответственности и по которому в Особенной части Уголовного кодекса предусмотрен квалифицированный состав по признакам особо опасного рецидива.

В качестве отягчающего ответственность обстоятельства в Общей части Уголовного кодекса общий рецидив рассматривается уже более широко. Согласно п. I ст. 38 УК ЭССР при назначении наказания отягчающим ответственность обстоятельством является совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, если судимость не погашена и не снята. УК ЭССР принимает здесь во внимание как специальный, так и общий рецидив. Но УК ЭССР все же не считает отягчающим ответственность обстоятельством любое ранее совершенное преступление. В п. I ч. 2 ст. 38 УК ЭССР указано, что в зависимости от характера первого преступле-

---

²⁰ М. Гродзинский. Профессиональная преступность и уголовный кодекс РСФСР. - "Право и жизнь", 1927, кн. 7 и 8, стр. 77.

ния суд вправе не признавать за ним значения отягчающего обстоятельства. Данная статья исключает в качестве отягчающего ответственность обстоятельства случая так называемого случайного рецидива, когда отсутствует связь между новым и ранее совершенным преступлениями.

В теории уголовного права сформировалась точка зрения, согласно которой решение относительно связи между преступлениями выносится на основании сходства или различия между различными элементами составов преступлений. Однако исходя из этой концепции во многих случаях все же не представляется возможным установить различие между общим и случайным рецидивом. Возникает противоречие и между ст. 38 и 42 УК ЭССР. Первая исключает случайный рецидив как отягчающее ответственность обстоятельство, вторая нет. Особо опасным рецидивистом можно признать и лицо, которое ранее было осуждено к лишению свободы за нарушение правил о валютных операциях при отягчающих ответственность обстоятельствах, а затем совершает изнасилование несовершеннолетней, за что он приговаривается к лишению свободы не менее чем на пять лет. Однако это лишь кажущееся противоречие. Оно разрешается установлением различия между случаями, где ранее и новое преступления с большой общественной опасностью и где они не с большой общественной опасностью. В первом случае совершенное ранее преступление считается отягчающим ответственность обстоятельством, хотя оно не является однородным, и признается наличие связи между преступлениями, во втором случае — нет. Ситуация меняется, если лицо неоднократно совершает различные преступления. В таком случае неважно, какова общественная опасность этих преступлений, — ранее совершенные преступления рассматриваются как обстоятельства, отягчающие ответственность независимо от их общественной опасности.

Обоснование такой постановке вопроса дал уже Н. Таганцев, указавший на наличие категории преступников, у которых преступные наклонности и общественно опасные привычки укоренились настолько глубоко, что они равно готовы совер-

шить грабеж, убийство, изнасилование, поджог и т.д.²¹ В настоящее время это объясняют формированием антиобщественной установки. Антиобщественная установка рассматривается в советской криминологии как известная готовность к совершению преступлений, как состояние, при котором антиобщественные взгляды и привычки лица генерализовались и оно вполне готово к совершению определенных или любых преступлений независимо от благоприятности внешних условий. При совершении тяжких преступлений выявление формирования антиобщественной установки легче, поэтому ч.1 ст. 42 УК ЭССР дает возможность признать лицо особо опасным рецидивистом уже при совершении второго подобного преступления. Обычно антиобщественная установка связана с особо опасным рецидивом. Таким образом, в приведенном выше примере связь между преступлениями существует и мы имеем дело с общим, а не случайным рецидивом.

При оценке связи между разнородными преступлениями существенную роль играет и критерий времени. На практике зачастую случается, что лицо осуждается за хулиганство, ему назначается наказание в виде лишения свободы, в месте заключения он вербует вора в свою компанию — и вот хулиган становится вором. Что представляет новое преступление — кража — по отношению к ранее совершенному — хулиганству: явление общего или случайного рецидива?

Если лицо во время отбытия наказания не исправляется; а лишь несколько видоизменяет свои антиобщественные воззрения и совершает новое преступление, разнородное, мы имеем дело с общим рецидивом. Если же лицо исправилось, а позже у него вновь формируются антиобщественные воззрения, что влечет за собой новое преступление, мы имеем дело со случайным рецидивом. Критерием при оценке того или иного преступления как общего или случайного рецидива, является период времени, в течение которого совершено новое пре-

---

²¹ Н.С. Таганцев. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2, 1902, стр. 1326.

отупление. Если оно совершается в течение короткого промежутка времени после отбытия наказания (до погашения или снятия судимости), мы, видимо, имеем дело с общим рецидивом, если же новое преступление совершается по истечении продолжительного периода времени после отбытия наказания (после погашения или снятия судимости), — со случайным рецидивом.

Третья проблема определения понятия рецидива, вызывающая споры, связана с отбытием наказания. Согласно одной концепции, отбытие наказания не является существенным признаком рецидива, согласно другой — является.

Действующий уголовный закон (ст. 42 УК ЭССР) и большинство ученых-криминалистов поддерживают первую концепцию. П.Михайленко отмечает, что в пользу данной концепции говорит следующее: во-первых, большая часть осужденных выходит у нас на свободу до полного срока отбытия наказания в силу помилования или амнистии и т.д. и позже часть из них совершает новое преступление; во-вторых, множество новых преступлений совершается во время отбытия наказания, в том числе и в местах заключения. Согласно второй концепции, такие лица нельзя было бы считать рецидивистами и отягчать их ответственность. Но это ослабляет борьбу с преступностью.²²

Вторую концепцию в советском уголовном праве представляют С.Познышев, А.Трайнин, А.Пионтковский, М.Шаргородский и И.Ребане.²³ Основное положение, которое приводится в защиту данной концепции, заключается в том, что эффективность наказания выявляется лишь после полного отбытия наказания, в силу чего понятие рецидива также следовало бы связать с полным отбытием наказания.

---

²² П.Михайленко, И.Гельфанд. Рецидивная преступность и ее предупреждение органами внутренних дел. Киев, 1970, стр. 56.

²³ С.Познышев. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1925, стр. 273; А.Трайнин. Уголовное право. Часть общая. 1929, стр. 284; А.Пионтковский. Курс советского уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. 1961, стр. 651; М.Шаргородский. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958, стр. 43; I. Rebane. Nõukogude kriminaalõigus. Üldosa. Opetus karistusest. I osa. Tartu, 1971, lk. 200-201.

При оценке вышеприведенных концепций необходимо различать, с одной стороны, лица, совершающие новое преступление еще до приступления к отбытию наказания либо во время отбытия наказания, либо в период испытательного срока после условного осуждения, либо в период неотбытого срока наказания после условно-досрочного освобождения, а с другой стороны, лица, отбывшие наказание полностью либо освобожденные от него в силу помилования или амнистии, или условно-досрочно, причем срок наказания, оставшийся неотбытым, истек, и затем совершающие преступление до погашения или снятия судимости.

У лиц, названных первыми, окончательное наказание выносится на основании ст. 41 УК ЭССР, т.е. неотбытый срок предыдущего наказания полностью или частично присоединяют к наказанию, вынесенному новым приговором.

При регулировании уголовной ответственности лиц второй группы институт рецидива является единственным основанием, дающим возможность учитывать ранее совершенное преступление какотягчающее ответственность обстоятельство.

Как мы видим, потребность в институте рецидива обусловлена наличием категории лиц, которые полностью отбыли наказание, назначенное за ранее совершенное преступление, либо окончательно освободились от него и совершили новое преступление до погашения или снятия судимости. В отношении лиц, совершивших новое преступление еще до приступления к отбытию наказания либо во время отбытия наказания, либо в период испытательного срока после условного осуждения, либо в период неотбытого срока наказания после условно-досрочного освобождения, институт рецидива какотягчающее ответственность обстоятельство практического значения не имеет. Известно, что вследствие так называемой совокупности приговоров высшей мерой окончательного наказания является максимальный срок данного вида наказания. Отягчение ответственности в пределах максимального срока наказания, установленного соответствующей статьей Особенной части, в таком случае принципиального значения не имеет.

Обстоятельства, говорящие в пользу первой концепции, отпадают.

В итоге понятие уголовно-правового и криминологического рецидива преступления можно сформировать следующим образом: рецидив преступления — это совершение нового преступления после отбытия наказания за предыдущее преступление при условии, если судимость не погашена или не снята.

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
КАК СРЕДСТВО ОХРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ИМУЩЕСТВА ОТ ПОСЛЕДСТВИЙ
ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Канд. юрид. наук Ю. А д о я н

Кафедра уголовного права и процесса

Общее положение

Одной из важных задач уголовного судопроизводства является борьба с хищениями социалистического имущества. Успех этой борьбы, наряду с применением к расхитителям мер уголовного наказания и принятием предупредительных мер, во многим зависит от реального возмещения материального ущерба, причиненного хищением. Дело должно быть поставлено так, чтобы каждый расхититель понес не только заслуженное наказание, но и возместил бы весь причиненный социалистическому имуществу ущерб.

Статистические данные свидетельствуют, однако, о все еще неудовлетворительном положении с возмещением ущерба государственным и общественным организациям. Например, в 1967 году возмещение материального ущерба составляло 25,8%, в 1968 году равнялось 29%¹. По данным Министерства Юстиции СССР этот ущерб был в 1972 году возмещен лишь на 26,5%, а в Туркменской, Казахской и Эстонской ССР не более 18%.

---

¹ Г. Анашкин, Н. Осокин. Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением. - "Социалистическая законность", 1969, № 4, стр. 24.

В приказах Генерального Прокурора СССР, Министерства Юстиции СССР и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР неоднократно указывалось на неудовлетворительную работу следователей, прокуроров и суда по возмещению материального ущерба, причиненного хищением. Из этих документов усматривается, что неудовлетворительному положению с возмещением ущерба во многих способствует несвоевременное направление государственными и общественными организациями в органы расследования и прокурору материалов о недостатках и хищениях, необеспечение со стороны следователя гражданского иска путем наложения ареста на имущество лиц, ответственных за причиненный преступлением ущерб, необоснованное оставление судом гражданского иска в уголовном деле без рассмотрения и др., т.е. несоблюдение соответствующими должностными лицами и организациями порядка производства по гражданскому иску в уголовном процессе. Анализ уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок производства по гражданскому иску в уголовном процессе, дает, однако, основания для выводов о том, что одной из основных причин неэффективного возмещения ущерба, причиненного преступлением, является также нечеткая регламентация в уголовно-процессуальном законодательстве порядка производства по указанному иску, дающая возможность по разному истолковывать основные положения этого, в правовом смысле многогранного института уголовно-процессуального права, что, в свою очередь, способствует неразберихе, бюрократии, волоките в производстве по охране социалистического имущества от последствий преступных посягательств.

Процессуальное законодательство, регулирующее уголовное и гражданское судопроизводство, каждое в отдельности, устанавливает такой порядок производства, который полностью обеспечивает выполнение задач, поставленных перед этими судопроизводствами. Однако как только возникает производство, в котором одновременно решаются вопросы уголовный и имущественной ответственности, возникают и спорные вопросы о порядке этого производства. Законодательство на этот вопрос исчерпывающего ответа не дает. Одни и те же общие

положения о порядке производства по гражданскому иску в уголовном деле, которые содержатся в статье 29 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, вызывают в судебно-следственной практике и в теоретических трудах отдельных авторов различные толкования. Одни авторы считают, что иск о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, может быть заявлен как в уголовном процессе, так и в гражданском до или после рассмотрения уголовного дела и приходят к выводу "о недопустимости проведения демаркационной линии между сферами действия норм уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства."³ Другие полагают, что при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе следовательно, прокурор и суд руководствуются только нормами УПК⁴; третьи же приходят к выводу о возможности применения в уголовном процессе норм ГПК только в случаях, если такая возможность прямо указывается в законе и не противоречит задачам, принципам и правовой природе уголовного судопроизводства.⁵

Подобные разноречивые теоретические выводы в основных вопросах одного и того же правового института не способствуют его единообразному эффективному использованию на практике. В самом деле, по настоящее время остаются еще спорными вопросы, может ли государственная или общественная организация, понесшая материальный ущерб от преступления, предъявлять гражданский иск по своему усмотрению в порядке гражданского или уголовного судопроизводства? Должен ли такой иск быть рассмотрен только в арбитражных органах, ес-

---

³ В. Божьев. Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. - "Советская юстиция", 1971, № 15, стр. 18.

⁴ Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, стр. 254.

⁵ В. Р. Аюян. Гражданский иск в советском уголовном процессе. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1967; см. его же: О пределах применения норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле. - "Уч. зап. ТГУ", вып. 263, Труды по правоведению XI, Тарту, 1970.

ли истцами и ответчиками являются государственные или общественные организации (кроме колхоза)? Должен ли суд отказаться от рассмотрения гражданского иска в уголовном деле, если за ущерб, причиненный совместными действиями нескольких обвиняемых, ответственность перед судом несут не все обвиняемые (часть из них отдана на поруки общественной организации или скрывается от суда), в праве ли кассационная инстанция увеличить сумму гражданского иска? И т.д. При обсуждении этих вопросов одни авторы исходят из гражданского процессуального порядка производства, считают возможным применить нормы гражданского процессуального законодательства в уголовном процессе, поскольку уголовно-процессуальное законодательство разрешения таких вопросов не регламентирует и отвечает на эти вопросы положительно. Другие же исходят из уголовно-процессуальной правовой природы этого института и отвечают на эти вопросы отрицательно.

Противоречивое решение указанных выше вопросов имеет место и в судебно-следственной практике. Одни суды рассматривают предъявленные гражданские иски во всех подобных случаях совместно с уголовным делом, другие же оставляют их без рассмотрения, предлагая заявителю в зависимости от обстоятельств обратиться либо в органы арбитража, либо в суд в порядке гражданского судопроизводства. Оставление же иска судом без рассмотрения влечет за собой отмену мер обеспечения гражданского иска, принятого следователем или лицом, производящим дознание. Все это сказывается отрицательно на производстве по возмещению материального ущерба, причиненного хищением государственным и общественным организациям. Так например, по изученным делам по преступлениям, предусмотренным статьями 93 и 93¹ УК ЭССР, арест на имущество в качестве обеспечения гражданского иска был наложен в 1967 году в 56,6% случаях, в 1968 году - в 47,8% случаях.⁶ В Киргизской ССР по делам о хищениях и растратах,

---

⁶ Ю.Адоян. К вопросу о возмещении материального ущерба, причиненного хищением государственного и общественного имущества. - "Уч. зап. ТГУ", вып. 300. Труды по правоведению XV. Тарту, 1972, стр. 121.

направленных в суды, арест имущества был произведен только по каждому четвертому делу. "Из 19 дел о хищениях государственного имущества, совершенных в сферах присвоения и растрат, рассмотренных народным судом Первомайского района в 1967 году, по 12 делам органы следствия ареста и описи имущества не производили, в то время как этими преступлениями был причинен ущерб на 20431 рубль."⁷

Спрашивается, можно ли винить в неудовлетворительной работе по обеспечению гражданского иска в уголовном процессе только и в основном следователей и лиц, производящих дознание,⁸ если в целом ряде теоретических статей, опубликованных в официальных периодических изданиях, а так же учебных пособиях, рекомендованных в качестве таковых для юридических вузов, излагается позиция о возможности выбора судопроизводства, в порядке которого можно взыскивать материальный ущерб, причиненный преступлением и рекомендуется оставлять иски в уголовном процессе по различным, формальным, не предусмотренным в УПК основаниям без рассмотрения,⁹

Полагаем, что до тех пор, пока не будут созданы единые образные твердые установки в порядке производства по гражданскому иску в уголовном процессе, не может быть в полной мере обеспечено реальное возмещение материального ущерба, причиненного социалистическим организациям.

---

⁷ В.Г.Власенко. Вопросы теории и практики возмещения материального ущерба при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Изд. Саратовского университета, 1972, стр. 5.

⁸ См. В.Г.Власенко. Вопросы теории и практики возмещения..., стр. 5, 29, 85, 117.

⁹ См., например, П.П.Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе, М., 1961, стр. 5, 13, 14; В.Божьев. Применение норм ЦК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. - "Советская Юстиция", 1971, № 15, стр. 18; Э.Я.Лаасик. К вопросу возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда. - "Уч. зап. ТГУ", вып. 230. Труды по правоведению IX. Тарту, 1969, стр. 140 и др.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть некоторые пути к созданию таких установок в части производства по гражданскому иску в уголовном процессе.

Метод исследования

Диаметрально противоположные позиции отдельных авторов по основным вопросам гражданского иска в уголовном процессе свидетельствуют о погрешностях в методологии исследования этого многогранного правового института. От правильного выбора метода нередко зависит судьба всего исследования, поскольку один и тот же фактический материал при различном методологическом подходе может привести к совершенно противоположным выводам.

Так, например, исходя из одного и того же нормативного материала, регулирующего порядок производства по гражданскому иску в уголовном процессе, и рассматривая его с одной и той же стороны, исходя из философских категорий формы и содержания, одни авторы приходят к выводу, что этот иск является обычным иском из присуждения со своими материальными и процессуальными сторонами, как они трактуются в советском гражданском процессуальном праве.¹⁰ Другие авторы считают гражданский иск в уголовном процессе комплексным институтом, который включает в себя в силу единства материальных гражданско-правовых отношений в уголовном и гражданском процессах, элементы гражданско-процессуального

---

¹⁰ А. Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 4-5.

метода регулирования,^{II} а третьи считают этот институт самостоятельным уголовно-процессуальным правовым институтом.^{I2}

Такое расхождение в мнениях у отдельных авторов возможно потому, что их подход к одному и тому же фактическому материалу, хотя и имел место с одной и той же стороны, но на различных уровнях (плоскостях) этой стороны. Одни авторы исходили из материальной и процессуальной стороны иска, как обособленного явления, придавая этим сторонам значения содержания и формы, но не вдавались в исследование принадлежности этого института к уголовному судопроизводству и к его особенностям; другие исходили прежде всего из соотношений материальных и процессуальных отраслей права (гражданского и уголовного, гражданского процессуального и уголовно-процессуального), определяя их диалектикой содержания и формы, и устанавливали подчиненность одного метода регулирования другому; третьи же исходили из особенности формы и содержания гражданского иска в уголовном процессе, как института уголовно-процессуального права.

Исследование любых явлений, процессов, институтов, однако, не может быть односторонним. В.И. Ленин писал по этому поводу: "Диалектика как живое, многостороннее (при вечном увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримое богатство содержания по сравнению с "метафизическим" материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie*, к процессу и развитию познания".^{I3}

---

^{II} В.Г. Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр. 10-11.

^{I2} Ю. Адоян. К вопросу о возмещении материального ущерба... стр. 129-130.

^{I3} В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 321-322.

В познавательном процессе надо исходить не из отдельной какой-либо произвольно взятой категории материалистической диалектики, а из системы категорий, в которой каждая из категорий отражает какую-либо сторону исследуемого объекта. Кроме того, для исследования конкретного правового образования недостаточно одного лишь диалектического метода, требуются еще и конкретные методы определенной науки (в данном случае правовой). Поэтому при исследовании института гражданского иска в уголовном процессе надо использовать также сравнительный метод, анализ и синтез и ряд других специфических методов познания, применяемых в правовой науке.

Основываясь на ленинском положении о том, что "в любом предложении можно (и должно) как в "ячейке" (клеточке), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав, таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика"¹⁴, считаем целесообразным в системном исследовании начинать с категорий системы, элемента и структуры, которые являются наиболее простыми, основными, в известном смысле самыми общими, абстрактными, характеризующими любое явление в любой стадии его существования.¹⁵

Расположение категорий в системном исследовании должно основываться на учете возрастающей сложности объективных связей в движении познания от простого к сложному. Проблемы сущности этого правового явления (института), выявления его главных и специфических черт являются основной задачей исследования. Поэтому здесь используются такие категории диалектики как система, элементы, структура; целое и часть; содержание и форма; сущность и явление; особенное и всеобщее; необходимое и случайное; действительность и возможность в праве. Для анализа избранного объекта, несомненно, имеют значение и другие категории, однако, они в данном

---

¹⁴ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 321.

¹⁵ Современные проблемы материалистической диалектики. М., "Мысль", 1971, стр. 178.

исследованиям, по нашему мнению, не имеют того первостепенного значения, которое необходимо для разрешения проблемы, поставленной в настоящей работе.

Гражданский иск в уголовном процессе — институт уголовно-процессуального права

1. Нормы уголовно-процессуального права, регулирующие производство по возмещению материального ущерба, причиненного преступлением, посредством гражданского иска, определяют предмет и основание иска (ст. 41 УПК ЭССР)¹⁶, правовое положение субъектов этого иска (статьи 35, 41, 43, 44, УПК ЭССР); полномочий органов дознания, следователя, прокурора и суда при производстве по этому иску (статьи 42, 46, 100, 114, 115, 116, 192, 263, 271 и др. УПК ЭССР) и порядок производства по этому иску (статьи 42, 114, 115, 171, 172, 213, 235, 269, 270 и др. УПК ЭССР).

В совокупности эти нормы образуют целостный комплекс взаимосвязанных частей, из которых одни регламентируют общие вопросы гражданского иска в уголовном процессе, другие — отдельные вопросы, касающиеся производства по иску. Части этого правового целого соединены между собой по определенному содержательному признаку и образуют единство в виду структурной упорядоченности частей, определяющих их функциональную зависимость и взаимодействие. Характеристика приведенного нормативного материала, свойства его частей обуславливают у рассматриваемого правового образования при-

---

¹⁶ Имеются в виду и соответствующие нормы УПК других союзных республик.

знаков системного правового целого, объединенного правовыми элементами и именуемого правовым институтом. Любой институт права обладает всеми признаками системного правового образования. В теории права под правовым институтом понимается "объективно сложившаяся внутри отрасли права в виде ее обособленной части группа правовых норм, регулирующая с требуемой детализацией типичное общественное отношение и в силу этого преобращающаяся относительно самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования"¹⁷. Анализ нормативного материала показывает, что все эти свойства наличествуют в институте гражданского иска в уголовном процессе.

Это системное правовое целое выступает в виде подсистемы другой, более объемной системы, то есть отрасли советского уголовно-процессуального права, равно как в границах своего органического единства оно расчленяется на внутреннее подсистемы. В рассматриваемом институте такими подсистемными образованиями являются как элементы гражданского иска и правоотношения, так и подсистемные институты, например, институт признания лица, понесшего материальный ущерб от преступления, гражданским истцом в уголовном процессе (ст. 114 УПК ЭССР) и др.

Исходя из диалектики системы и элементов, целого и части в их взаимодействии в праве, нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что институт гражданского иска в уголовном процессе является либо межотраслевым, либо комплексным институтом.¹⁸ Так например, В.Г.Даев пишет, что "гражданский иск в уголовном процессе является комплексным уголовно-процессуальным правовым институтом, который представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные (уголовно-процессуальные) отношения по поводу имуществ-

---

¹⁷ Д.А.Керимов. Философские проблемы права. М., 1972, стр. 300.

¹⁸ В.Г.Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр. 7, 11, 13.

венных последствий преступления в сфере уголовного судопроизводства, и включает в себя, в силу единства материальных гражданско-правовых отношений в уголовном и гражданском процессах, элементы гражданско-процессуального регулирования".¹⁹

Эти выводы противоречат фактическому положению вещей и принципам деления советского права на отрасли права. Нормы уголовно-процессуального права элементов гражданского процесса в уголовный процесс не включают. Недопустимо включать "сложный" институт права, содержащий в себе "комплекс" норм различных отраслей права, в какую-либо отрасль права вообще, так как тем самым данная отрасль права сама превратилась бы в комплексную.²⁰ Советская правовая система таких отраслей права не знает. Наличие в единой системе советского права материального и процессуального права как самостоятельных отраслей права не свидетельствует ни об их комплексности, ни об их безотносительности друг к другу: их применение нелегко себе представить вне взаимодействия. Это взаимодействие существует, однако, между соответствующим материальным и процессуальным правом, а не иначе: уголовно-правовые нормы не могут применяться в порядке гражданского судопроизводства, а гражданско-правовые в уголовном процессе, если рассматриваемые в этих порядках правоотношения по своему характеру в то же самое время не являлись бы соответственно гражданско-правовыми или уголовно-правовыми. Однако, и в таком случае применение норм гражданского процессуального права в уголовном процессе недопустимо точно так, как недопустимо применение уголовно-процессуальных норм в гражданском процессе. Кроме того, мы впали бы в противоречие, если бы, отрицая существование межотраслевых правовых институтов, допускали бы самостоятельное существование комплексных институтов, которые сложились бы из норм различных отраслей (процессуального)

---

¹⁹ В.Г. Даев. Современные проблемы..., стр. 14.

²⁰ Д.А. Керимов. Философские проблемы права, стр. 299-301.

права, деление которого в конечном итоге ведет к делению всех отраслей права на основные и второстепенные. Позиция В.Г.Даева не исключает, однако, такую возможность. Он пишет: "Регулирование в сфере уголовного судопроизводства порядка разрешения споров о гражданском праве не должно противоречить основным началам такого регулирования, установленным советским гражданско-процессуальным правом, за исключением случаев, специально оговоренных уголовно-процессуальным законом в силу особых обстоятельств."²¹ На возможность использовать нормы ГПК при производстве по гражданскому иску в уголовном процессе указывают и другие авторы, ссылаясь на пробелы уголовно-процессуального законодательства.²² Институт гражданского иска в уголовном процессе является, однако, подсистемным правовым образованием советского уголовно-процессуального права. Он подчинен общим задачам, принципам и другим положениям общей части уголовно-процессуального законодательства. Установленный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовным делам является единым и обязательным для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания (ст. I УПК ЭССР). Принцип социалистической законности действует в уголовном процессе в отношении всех институтов, всех лиц, участвующих в уголовном деле и во всех стадиях процесса (ст. 22 УПК ЭССР).

2. Институт гражданского иска в уголовном процессе, являясь целостным подсистемным правовым образованием, характеризуется таковым как по содержательному так и формально-организационному признаку. Институт гражданского иска в уголовном процессе объединяет нормы права в целостную правовую организацию по такому предмету и методу правового регулирования, которые являются характерными для всей от-

---

²¹ В.Г.Даев. Современные проблемы..., стр. 13.

²² П.П.Гуреев. Гражданский иск..., стр. 6; А.Г.Мазалов. Гражданский иск..., стр. 18.

расли советского уголовно-процессуального права и отличают эту отрасль права от всех других отраслей советского права. То или иное правовое образование может четко, ясно и определенно регулировать соответствующие общественные отношения, устанавливать твердый правовой порядок, эффективно способствовать государству в осуществлении его задач и функций лишь при том неприменном условии, если оно едино в целом, если его части внутренне согласованы между собой как по содержательным, так и по формальным признакам.

Поэтому не могут в уголовное судороизводство включаться "элементы гражданско-процессуального метода регулирования" ни целиком, ни в своих частях, поскольку являясь компонентами советского гражданского процессуального права, они не согласуются и не могут согласоваться с методом регулирования, имеющего место в уголовном процессе. Если их можно было бы согласовать, то отпала бы надобность в двух различных отраслях процессуального права или в институте гражданского иска в уголовном процессе. Однако нет и не может быть частей, которые не являлись бы частями своего целого, как нет и не может быть целого, если оно не является целым своих частей.²³

Специфика отдельных частей в целом играет определенную роль. Именно благодаря этому, такая часть, как например, основание гражданского иска в уголовном процессе, заключающееся в факте причинения материального ущерба преступлением, занимает соответствующее место в целостном правовом образовании, именуемом институтом гражданского иска в уголовном процессе. Такая часть играет в этом целостном правовом образовании определенную роль, воздействует на целое и в той или иной степени детерминирует его характер. Но не только особенности частей, а и специфика их взаимосвязей и взаимодействий определяют природу целого. Так, противоре-

---

²³ Д.А.Керимов. Философские проблемы права, стр. 258.

чивость или несогласованность между отдельными частями (хотя бы не значительная) действующего законодательства, неясная редакция отдельных правовых предписаний отрицательно сказываются на действии данной правовой системы в целом, порой могут повлечь за собой неразбериху, волокиту, бюрократизм, нарушение требований законности и т.д.

Однако любые части целого, независимо от степени их значения, носят подчиненный характер по отношению к целому. "Часть, - указывал В.И. Ленин, - должна соотносываться с целым, а не наоборот".²³

Правовая часть, в виде института гражданского иска в уголовном процессе, будучи компонентом советского уголовно-процессуального права, естественно подчиняется общим принципам существования и функционирования этой целостности в виде отрасли советского права, а не наоборот.

3. Гражданский иск в уголовном процессе, как и любое другое целостное правовое образование имеет свою внешнюю и внутреннюю форму. Внешняя форма - это выражение во вне целостного, в данном случае, подсистемного правового института, внутренняя форма - это структура, способ организации, определенная упорядоченность частей (элементов) данного целого. Особенности структуры исковой формы защиты права в уголовном процессе характеризуются особенностями элементов этого института. Так, например, уголовно-правовое основание гражданского иска в уголовном процессе, заключающееся в факте причинения материального ущерба преступлением, накладывает уголовно-процессуальный отпечаток на всю структуру этого института. Субъектами правоотношения, вытекающего из причинения ущерба преступлением, могут здесь являться только лицо, понесшее материальный ущерб от преступления, обвиняемый и лицо, несущее материальную ответственность за

---

²³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 362.

ущерб, причиненный обвиняемым; основание этого иска могут доказываться только в порядке уголовного судопроизводства и т.д. "Элементы и структура, - пишет Л.О.Вальт - категории, характеризующие предметную действительность с точки зрения ее расчлененности и внутренней упорядоченности".²⁴ "Входя в состав структуры, всякий элемент приобретает, таким образом, "качество структурности" (Structurqualität)."²⁵

Поэтому представляется неубедительным вывод В.Г.Даева о том, что определяющим для исковой формы защиты права является не характер требования, а именно само обращение к суду в определенной процессуальной форме. Материально-правовой характер требования, защищаемого иском, являясь выражением общей закономерности соотношения материального и процессуального права, не меняет процессуальной и только процессуальной природы иска, как не меняет процессуальной природы обвинения уголовно-правовая квалификация преступления".²⁶

Приведенные автором доводы вызывают возражение. Нет и не может быть обвинения вообще, несмотря на то общее положение, что обвинением является процессуальная деятельность уполномоченных законом органов и лиц, заключающаяся в доказывании виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, такое общее и притом абстрактное понятие не имеет в уголовно-процессуальном законодательстве конкретной формы своего существования. Именно характер материально-правового требования, уголовно-правовая квалификация преступления отличают в уголовном процессе государственное обвинение от так называемого частного, а та или иная квалификация преступления может являться основанием для пре-

---

²⁴ Л.О.Вальт. Соотношение структуры и элементов. - "Вопросы философии", 1963, № 5, стр. 44, 46.

²⁵ В.А.Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 66.

²⁶ В.Г.Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр. 7-8.

кращения обвинительной деятельности вообще и применения мер общественного воздействия и т.п.

Точно также не существует иска вообще, а имеют место иск в гражданском процессе и гражданский иск в уголовном процессе. Нет основания в настоящее время считать иск в гражданском процессе эталоном для гражданского иска в уголовном процессе, поскольку эти две отрасли права как и их институты отличаются друг от друга не только по предмету правового регулирования, но и по его методу. Доказывание основания гражданского иска, вытекающего из факта преступления может происходить только в порядке уголовного судопроизводства независимо от того, рассматривается ли этот иск при производстве по уголовному делу или в порядке гражданского судопроизводства. Поэтому постановку вопроса о возможности применения норм ГПК в уголовном процессе можно было бы расширить, поставив также вопрос о возможности применения норм УПК в гражданском процессе. Однако такие постановки вопроса являются необоснованными, ибо существование двух самостоятельных отраслей советского права: гражданского процессуального и уголовного процессуального права, по нашему мнению, снимают такие вопросы с повестки дня вообще. За исключением некоторых незначительных пробелов, исковое производство в уголовном процессе регламентируется полностью.

Наличие общественно-опасного характера деяния, которым был причинен материальный ущерб, накладывает на институт гражданского иска в уголовном процессе в целом, а также на его части, элементы и структуру, специфический отпечаток принудительного производства. Не всегда структура может быть безотносительной к содержательному характеру явления. Она теснейшим образом связана с формой и содержанием явления.

Сущность и содержание гражданского иска в уголовном процессе

1. Характеристика гражданского иска в уголовном процессе как целостного, структурно упорядоченного правового образования без уяснения его назначения и роли в общественной жизни не раскрывает полностью и всесторонне этот институт. Необходимо еще выяснить то, что объединяет правовые нормы этого института, вскрыть "ядро", основу, общую закономерность развития этого правового явления, то есть обнаружить и определить его сущность и содержание, вскрыть то, чем это правовое образование является и в чем оно конкретно состоит.

В нормативном материале, касающегося института гражданского иска в уголовном процессе, сущность института прямо не отражается. "Сущность и явление права никогда не совпадают... Всесторонне и полно сущность выражается в совокупности, массе явлений".²⁷ Кроме того, сущность модифицируется также теми конкретными условиями, в которых она проявляется.

По поводу сущности гражданского иска в уголовном процессе у исследователей имеются различные мнения. Одни считают сущностью способ удовлетворения интересов потерпевшего;²⁸ другие - способ выполнения государственной задачи по устранению преступных последствий;²⁹ третьи - способ достижения наилучших результатов при обеспечении правильности разрешения вопросов об уголовных и гражданско-правовых последстви-

---

²⁷ С.Г.Шляхтенко. Г.П.Шляхтенко. Категории диалектики как отражение закономерностей перехода к коммунизму. Л., 1965, стр. 13, 14.

²⁸ См. М.А.Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 113.

²⁹ См. А.П.Клюшниченко. Охрана социалистической и личной собственности в советском уголовном процессе путем гражданского иска. Автореферат канд. дисс. Киев, 1953, стр. 6-8.

ях преступления;³⁰ четвертые же полагают, что сущностью этого иска является обращение к суду с просьбой о рассмотрении гражданского спора и защиты гражданских прав.³¹ В приведенных обобщенных характеристиках института гражданского иска в уголовном процессе усматривается сущность одного и того же правового явления на различных плоскостях. Б.М.Кедров о такой возможности пишет: "Вся сущность вещи или явления никогда не раскрывается сразу, целиком и полностью до конца, а только постепенно, шаг за шагом, ступень за ступенью, "этаж" за "этажом".³²

Анализируя сущность гражданского иска в уголовном процессе, нельзя оставить без внимания уголовно-процессуальный правовой характер этого института. В отличие от сущности гражданского иска в гражданском процессе сущность иска в уголовном процессе не заключается только в обращении к суду за защитой права, которую суд должен осуществить.³³ В гражданском процессе предъявление иска является основанием для принятия судом дела к производству; с этого момента начинается течение гражданского процесса по данному делу.³⁴ В уголовном же процессе обращение к суду за защитой права посредством предъявления гражданского иска ввиду уже возбужденного уголовного дела как начальный момент производства по иску теряет свое гражданско-процессуальное значение. Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, присоединяется в уголовном процессе к производству по уголовному делу с самого начала предварительного расследования без какого-либо искового требования. Государственное начало в уголовном процессе расширяет до пределов возможности производства по возмещению материального ущерба, причиненного преступлением (ст.42, 46, 114, 115 УПК ЭССР). При быстром и

---

³⁰ См. П.П.Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 7; А.Г.Мазадов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 8-9.

³¹ В.Г.Лаев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр.22.

³² Б.М.Кедров. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963, стр. 251-252.

³³ Советское гражданское процессуальное право. Учебник для юридических вузов. Под ред. проф. К.С.Ддельсона. М., 1965, стр. 188.

³⁴ Советский гражданский процесс. Под ред. проф. А.Ф.Клеймана. Изд. Московского ун-та, 1964, стр. 114.

полном раскрытии преступления со стороны органов расследования и обнаружении всего похищенного надобность в исковой форме защиты права в уголовном процессе вообще отпадает (ст.62, 63, 139, 140, 263 ч.1 п.16 и др. УПК ЭССР).

Все эти положения закона свидетельствуют о том, что требование лица, понесшего материальный ущерб от преступления, о возмещении ущерба, присоединяется к требованию закона, обязывающего органы расследования, прокурора и суд принимать все необходимые средства для возмещения этого ущерба. Из сказанного можно сделать вывод, что производство по уголовному делу является как бы приводным ремнем для производства по возмещению материального ущерба, причиненного преступлением, которое может начаться и в основном начинается до предъявления гражданского иска. Поэтому предъявление искового заявления, хотя и имеет место в уголовном процессе, но теряет здесь гражданско-процессуальное значение, и в основном остается поводом для вступления лица, понесшего ущерб от преступления, в уголовный процесс в качестве участника процесса - гражданского истца. Полагаем, что нет основания считать сущностью гражданского иска в уголовном процессе одноактное обращение юридически заинтересованного или иного управомоченного лица к суду с заявлением. В то же время необходимо отметить, что без такого обращения вообще исследуемый институт не являлся бы институтом гражданского иска в уголовном процессе, ибо иск без искового требования не мыслим. Противоречие между положениями о том, что обращение с исковым требованием (заявлением) в уголовном процессе не является главным, существенным признаком этого института и в то же время о том, что без такого обращения гражданский иск, как таковой, не мог бы существовать, свидетельствует о нахождении института гражданского иска в уголовном процессе в состоянии движения, в стадии развития искового производства в безысковое.³⁵ Здесь действует закон отрицания отрицания, при котором старые и новые формы могут существовать еще наряду.

На основании анализа нормативного материала и общего положения о том, что институт гражданского иска как и уголовное судопроизводство в целом служит задачам социалистического правосудия, охране советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и

³⁵ См. по этому вопросу стр. 95 и сл.

прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств, приходим к выводу, что сущностью гражданского иска в уголовном процессе является уголовно-процессуальная охрана интересов организации и граждан, понесших материальный ущерб от преступления, осуществляемая при производстве по уголовному делу.

2. Уголовно-процессуальная сущность института гражданского иска в уголовном процессе раскрывается и конкретизируется в формах и содержании всех его элементов. Наряду с предметом и основанием гражданского иска в уголовном процессе, определяемыми Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 25), УПК Эстонской ССР предусматривает еще положение о том, что гражданский иск, предъявленный при производстве по уголовному делу, рассматривается в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным кодексом (ст. 41 ч. I). Такого положения УПК других союзных республик не содержит. Часть 5 ст. 29 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик оговаривают применимость норм УПК лишь при доказывании гражданского иска. Из этого положения закона А.Г.Мазалов делает вывод о том, что "ч. 5 ст. 29 УПК оставляет открытым вопрос о применимости норм ГПК при решении других вопросов, возникающих в связи с рассмотрением гражданского иска в уголовном деле, косвенно указывая тем самым на возможность их применения".³⁶ В целях подтверждения своего тезиса автор приводит ст. 338 ГПК РСФСР "которая прямо устанавливает, что приговор в части гражданского иска исполняется по правилам, изложенным в разделе У ГПК".³⁷

К выводу о возможности применения норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе приходят и другие исследователи этого института. Необходимость применения этих норм объясняется пробелами уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство по этому иску, а возможность их применения обосновывается гражданско-процессуальной сущностью этого института. Так, например, А.Г.Мазалов пишет: "Материально-правовая и процессуальная сторона иска есть не что иное как содержание и форма одного и того же яв-

---

³⁶ А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 18.

³⁷ Там же, стр. 19.

ления. Без субъективного, гражданского (или иного) права иск был бы беспредметен, ибо "форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания" (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соч. т.1, стр, 159). В свою очередь без иска как формы выражения требований истца к ответчику, субъективное право не могло бы быть реализовано".³⁸ Придерживаясь тезиса о том, что гражданский иск в уголовном процессе есть обычный иск о присуждении, автор приходит к выводу, что "нормы гражданского процессуального права применимы при производстве по гражданскому иску в уголовном процессе в той мере, в какой они регулируют отношения, не урегулированные уголовно-процессуальным правом".³⁹ На аналогических позициях стоят и П.П. Гуреев, В.Савицкий, В.Божьев и В.Г.Даев, которые в своих работах развивают эту же мысль.⁴⁰

Придерживаясь этого правила, авторы последовательно переносят различные формы гражданского судопроизводства, без каких-либо оговорок кроме отсутствия соответствующих норм УПК, в уголовный процесс. Это рекомендуется авторами по вопросам порядка предъявления иска, вытекающего из факта преступления, подведомственности этого иска; порядка оставления этого иска без рассмотрения, права кассационной инстанции внести по иску новое решение и т.д..⁴¹

Полагаем, что такой подход к исследованию института гражданского иска в уголовном процессе является не обоснованным. Прежде чем трансплантировать различные гражданско-процессуальные формы искового производства в уголовный процесс, необходимо установить, считает ли законодатель гражданский иск в уголовном деле обычным иском о присуждении или же он счи-

³⁸ А.Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 4.

³⁹ Там же, стр. 18

⁴⁰ П.П. Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 6; В.Савицкий. Гражданский иск в уголовном процессе. - "Советская юстиция", 1971, № 6, стр. 27; В.Божьев. Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. "Советская юстиция", 1971, №15, стр. 18; В.Г. Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр. 12-13 и др.

⁴¹ См А.Г. Мазалов. Цит. произв., стр. 57, 173; П.П. Гуреев. Цит. произв., стр. 5, 8, 13, 14, 37, 70 и др. В.Савицкий. Цит. произв., стр. 24; В.Божьев. Цит. произв., стр. 19.

тается иском особого рода, иском, вытекающим из факта преступления, производство по которому регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства, составляющими в совокупности обычный институт уголовного судопроизводства. Таким образом, необходимо этот институт рассмотреть также в свете диалектики всеобщего, отдельного и единичного. Как уже выше было сказано, гражданский иск в уголовном процессе является институтом уголовно-процессуального права и не может быть ни межотраслевым, ни комплексным институтом.

Не противопоставляя гражданский процессуальный порядок судопроизводства уголовно-процессуальному, необходимо отметить, что каждое судопроизводство имеет свои непосредственные задачи. Наиболее эффективно возмещению материального ущерба, причиненного преступлением, может содействовать именно уголовно-процессуальный порядок производства, призванный осуществлять борьбу с преступлениями и охрану государственных и общественных интересов от последствий преступных посягательств. Свидетельством сказанного является уже то обстоятельство, что в порядке уголовного судопроизводства обнаруживаются и изымаются похищенные ценности, которые возвращаются законным владельцам без какого-либо искового производства (см. ст. 83-86, 167-174 УПК РСФСР). Такого порядка производства в гражданском процессе нет и быть не может.

Отдельно от уголовного дела в порядке гражданского судопроизводства гражданский иск, вытекающий из факта преступления, может быть рассмотрен только в случае, если он не был предъявлен по уголовному делу или остался в уголовном деле без рассмотрения (ч. 6 ст. 29 УПК РСФСР).⁴² Поскольку основанием для такого иска является факт причинения материального ущерба преступлением, он может доказываться только в порядке уголовного судопроизводства. В порядке гражданского судопроизводства этот факт доказываться не может, ибо суд в этом порядке не компетентен устанавливать вину причинителя ущерба в уголовно-противоправном деянии. Поэтому закон и определяет, что подобный иск, в каком бы он порядке не рассматривался, доказывается всегда в порядке уголовного судопроизводства (ч. 5 ст. 29 УПК РСФСР, ст. 21 и ч. I п. 4 ст. 40 Основ гражданского судопроизводства). На это обстоятельство

---

⁴² УПК Эстонской ССР первую часть этого положения не предусматривает.

обращают внимание и Научно-практические комментарии УПК РСФСР, указывая, что "суд, которому предстоит рассматривать вопрос о гражданском иске в порядке гражданского судопроизводства, ограничивает свою задачу лишь определением размеров иска".⁴³ На это обстоятельство указывают и теоретики советского гражданского процесса, когда пишут, что "этот путь защиты нарушенного права менее эффективен: поскольку разрешение гражданского иска зависит от того, признает ли суд причинителя вреда виновным в совершении преступления, поскольку гражданский иск не может быть разрешен до тех пор, пока не состоится и не вступит в законную силу приговор по уголовному делу".⁴⁴

Поэтому нельзя согласиться с выводами В.Божьева о том, что подобный иск может быть рассмотрен в любом порядке совместно с уголовным делом или отдельно (до или после рассмотрения уголовного дела).⁴⁵ Эти выводы не соответствуют ст. I Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Единство оснований уголовно- и гражданско-правовой ответственности за ущерб, причиненный преступлением, дает возможность для доказывания и рассмотрения гражданского иска в части его основания только в порядке уголовного, но не гражданского судопроизводства. До рассмотрения уголовного дела такой иск в порядке гражданского судопроизводства рассмотрен быть не может.⁴⁶

---

⁴³ Научно-практические комментарии уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Изд. третье. Под ред. Л.Н.Смирнова.М., 1970, стр. 381.

⁴⁴ Советский гражданский процесс. Под ред. А.А.Добровольского и А.Ф.Клеймана. Изд. Московского ун-та, 1970, стр.138.

⁴⁵ В.Божьев. Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. - "Советская юстиция", 1971, № 15, стр. 18.

⁴⁶ За исключением тех единичных случаев, когда материальный ущерб был причинен преступлением материально-ответственного лица, обвиняемым, скрывавшегося от следствия и суда, а производство по уголовному делу было приостановлено. Поскольку основание такого иска можно отделить от основания уголовно-правовой ответственности, то рассмотрение иска возможно в порядке гражданского судопроизводства.

За исключением отдельных процессуальных действий, указанных прямо в законе (например, ст. 338 ГПК РСФСР), производство по гражданскому иску в уголовном деле регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства. Таким образом этот иск, как особый, приобрел в уголовном деле конкретную форму своего существования в зависимости от уголовного судопроизводства, в движение которого он оказался вовлеченным. Конкретной формой своего существования этот иск обязан не столько самому себе (как иску), сколько уголовному судопроизводству, внутри которого он возник и развился, ибо "всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными".⁴⁷

Приведенный А.Г.Мазаловым в защиту гражданской процессуальной концепции гражданского иска в уголовном деле тезис К.Маркса - "форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания"⁴⁸, надо понимать здесь исходя не из иска в его гражданском процессуальном смысле, в отрыве от уголовно-правовых оснований иска и уголовного судопроизводства, в порядок которого он оказался вовлеченным, а в их диалектическом единстве. Действительно, гражданско-процессуальная форма иска лишается в уголовном процессе всякой самостоятельной ценности, поскольку она не является формой того содержания, которое вкладывается в иск в уголовном процессе. Наличие одного только субъективного права не всегда является основанием для предъявления и разрешения гражданского иска в уголовном процессе, как это полагает А.Г.Мазалов.⁴⁹ Следовательно откажет в признании лица гражданским истцом, если этому истцу был причинен материальный ущерб не преступлением, а в результате какого-либо другого правонарушения, а суд оставит в таком случае иск без рассмотрения. В свою очередь субъективное право лица, понесшего материальный ущерб от преступления может реализоваться в уголовном процессе по инициативе суда, и вовсе без иска (ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР). Поэтому выводы А.Г.Мазалова о том, что "без иска как формы выражения требования истца к ответчику, субъективное право не могло бы быть

---

⁴⁷ В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, т.29, стр.318.

⁴⁸ К.Маркс. Ф.Энгельс. Соч., т.I, стр. 159.

⁴⁹ См. А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 4.

реализовано",⁵⁰ является правильным применительно к гражданскому процессу, но не к уголовному. Для обоснования своего тезиса о широкой возможности использования норм гражданского процессуального законодательства в уголовном процессе, А.Г.Мазалов приводит в качестве одного аргумента положение ст. 29 ч. 5 о применении норм УПК только в части доказывания гражданского иска, в остальном, якобы, применение норм ГПК не возбраняется. Анализ нормативного материала, составляющего институт гражданского иска в уголовном процессе, свидетельствует, однако, о том, что в основном все производство по этому иску регламентировано уголовно-процессуальным законодательством. Отдельные пробелы законодательства могут иметь место в любом институте советского права. Они восполняются в установленном законом порядке, а не путем искусственной пересадки отдельных норм и процессуальных форм из одного вида судопроизводства в другое.

В качестве дополнительного аргумента А.Г.Мазалов приводит положение, изложенное в п.2 ст.328 ГПК РСФСР. Он приходит к выводу, что если нормы ГПК применимы в стадии исполнения приговора в части гражданского иска, то они применимы и на более ранних стадиях уголовного процесса.⁵¹ Этот вывод является также необоснованным. В соответствии со ст.1 Основ уголовного судопроизводства (ст. 1 УПК РСФСР) порядок производства по уголовным делам определяется уголовно-процессуальным законодательством, в том числе и в части гражданского иска в уголовном деле. Пункт 2 статьи 338 ГПК РСФСР, как специальная норма, определяет лишь порядок исполнения приговора в части имущественных взысканий и не больше. Это предписание не может быть распространено на производство по гражданскому иску в уголовном деле, затрагивающее основание этого иска, его размера и т.п.⁵²

С выводами В.Г.Даева о том, что в уголовном процессе "отступление от общих положений исковой формы защиты права могут иметь место лишь тогда, когда они не ухудшают положения

⁵⁰ См. А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 4.

⁵¹ Там же.

⁵² См. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 XII 1964 г. "О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговоров. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1970, М., 1970, стр.547.

сторон по сравнению с гражданским процессом", ⁵³ можно согласиться только в последней части и с оговорками. Действительно, исковая форма защиты права, в каком бы порядке судопроизводства она не применялась, должна создать для участников процесса (сторон) оптимальные условия для защиты их субъективных прав, чего следует добиваться всеми средствами закона. Но уголовно-процессуальные "отступления от общих положений исковой формы защиты права" не могут в силу специфики уголовного судопроизводства создать для участников уголовного процесса равные со сторонами в гражданском процессе условия.

Эти условия будут в уголовном процессе либо более, либо менее благоприятными, чем в гражданском процессе. Так производство по гражданскому иску в уголовном процессе обычно не приостанавливается, как это делается по таким искам в гражданском процессе, а иск рассматривается и разрешается совместно с уголовным делом; он освобождается от пошлин; основания иска доказываются в первую очередь следователем, прокурором и судом, которые всячески способствуют благоприятному и законному разрешению иска, что, однако, не лишает участников процесса права доказывать также самим основание и размер иска. Кроме того, этот иск обеспечивается следователем и лицом, производящим дознание, еще до его предъявления.

В гражданском процессе стороны указанных выше преимуществ не приобретают и остаются в менее благоприятных условиях. Кроме того, отдельное рассмотрение гражданского иска создает для сторон некоторые неудобства. Чтобы надлежащим образом защитить свои законные интересы, они должны будут дважды участвовать в рассмотрении гражданского иска: первый раз в уголовном процессе при рассмотрении уголовно-правовых оснований этого иска, а второй раз в гражданском процессе при установлении размеров возмещения. Не всегда может быть обеспечено также самоличное участие ответчика (осужденного) в рассмотрении гражданского дела, поскольку нередко он к этому времени отбывает наказание. Это обстоятельство, однако, не способствует полной реализации его прав в гражданском процессе (ст. 24 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик) и не обеспечивает непосредственного и устного судебного разбирательства гражданского дела (ст. 35 Основ гражданского судопроизводства).

---

⁵³ В.Г. Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Стр. 13.

Что же касается принципа диспозитивности, действующего в гражданском процессе, то уголовно-процессуальное законодательство такого принципа прямо не предусматривает. Он уступает место публично-правовому характеру уголовного судопроизводства и действует в ограниченном виде. В основном этот принцип действует по так называемым делам частного обвинения, по которым возможны не только встречные иски, но и мировые соглашения и прекращения производства по воле потерпевшего, то есть истца. По другим же уголовным делам такая свобода действий участников процесса законом не предусмотрена, ибо по ним вопросы иска касаются преступлений, которые имеют большую общественную опасность и вмешательство государства по ним имеет место в большей степени.

Хотя заявление гражданского иска в уголовном деле и является правом лиц, понесших материальный ущерб от преступления, для руководителей государственных учреждений, предприятий и организаций предъявление гражданского иска является их обязанностью,⁵⁴ а следовательно, прокурор и суд должны этому всячески способствовать. Кроме того, следовательно, прокурор и суд обязаны принимать все предусмотренные законом меры для обеспечения возмещения ущерба в том числе и по собственной инициативе, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан.

Это, однако, не значит "упразднить всякую диспозитивность в распоряжении истца своими субъективными правами, превратить их законодательное закрепление в пустую декларацию, а самого истца из субъекта процессуальных прав сделать объектом государственно-властной деятельности соответствующих органов и должностных лиц", как это полагает А.Г.Маза-лов.⁵⁵ Диспозитивность сохраняется в определенных пределах и в уголовном процессе (см. например, ст. 54, 55, 295, 298 УПК РСФСР), а в гражданском процессе она, наоборот, ограничивается, когда воля сторон не будет соответствовать интересам закона (см. например, ст. 24 ч. 6 и 7 Основ гражданского судопроизводства).

---

⁵⁴ См. Научно-практический комментарий уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Издание третье. Под ред. Л.Н.Смирнова. М., 1970, стр. 54.

⁵⁵ А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 14.

В уголовном процессе возмещение ущерба может зависеть от таких обстоятельств, которые гражданско-процессуальное законодательство предусмотреть не может. Исковое производство может здесь вообще не возникнуть или быть прекращено, если лицо, производящее дознание, или следователь, выполняя *ex officio* свои первоочередные задачи по дознанию и следствию, обнаружат похищенные ценности, например, при обыске, наложит арест, и в последствии эти ценности возвратятся их владельцам. Полагаем, что от такого порядка производства потерпевший от преступления не превратится из субъекта процессуальных прав в объект государственно-властной деятельности следователя. Как участник уголовного процесса потерпевший имеет широкие возможности для защиты своих законных интересов во всех стадиях уголовного процесса.

3. Отдельные нормы гражданского процессуального законодательства, способствующие созданию наиболее благоприятных условий для возмещения материального ущерба, применимы в уголовном процессе в тех пределах, которые допускаются законом. Такая возможность усматривается из ГПК союзных республик о порядке исполнения приговора в части имущественных взысканий (ст. 338 ГПК РСФСР). На использование норм ГПК указывается также в п. 9 Постановления № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 года по поводу сроков предъявления к исполнению приговора в части гражданского иска⁵⁶ и в п. 12 Постановления № I Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964г. по поводу производства непосредственного обеспечения гражданского иска путем описи и наложения ареста на имущество.⁵⁷ В этих случаях применение норм ГПК в уголовном процессе не противоречит задачам, принципам и правовой природе уголовного судопроизводства: их применение необходимо в связи с регулированием вопросов, не связанных с уголовной и материальной ответственностью, и в то же время их применение не ущемляет прав и законных интересов участников процесса.

---

⁵⁶ См. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1970, М., 1970, стр. 549 и сл.

⁵⁷ См. там же, стр. 558 и сл.

В судебной практике встречаются, однако, случаи применения отдельных норм ГПК и по другим основаниям, по которым конкретное правоотношение не урегулировано нормами уголовно-процессуального права. Некоторые авторы поддерживают такую практику, например, по вопросам направления гражданских исков, по которым истцами и ответчиками оказались государственные и общественные организации (кроме колхозов) в арбитраж.⁵⁸ Положение закона о направлении таких исков в органы арбитража⁵⁹, применяемое по гражданским делам, не может полностью относиться к гражданскому иску в уголовном процессе, поскольку такой иск имеет сложное основание, состоящее из оснований уголовной и гражданско-правовой ответственности в их единстве. Арбитраж такой иск в части его уголовно-правового основания рассматривать не компетентен, а рассмотрение вопросов размеров иска в арбитраже может иметь место только после рассмотрения иска в порядке уголовного судопроизводства, когда судом будет установлено, что именно подсудимый причинил материальный ущерб государственной или общественной организации (кроме колхоза) и материальную ответственность за его деяния несет также государственная или общественная организация (кроме колхоза). Доводы В.Г.Даева о том, что споры между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями на сумму до 1000 рублей разрешаются в административном порядке и суду не подведомственны, именно с учетом характера и состава участников правоотношений, а "причинение ущерба преступлением не меняет характера правоотношений, возникших в связи с причинением ущерба, как не меняет и состава участников правоотношений"⁶⁰, не убедительны. Они не опровергают действующего положения о том, что арбитражные органы не могут рассматривать иски из причинения ущерба преступлением до решения уголовного дела. "Гос-

---

⁵⁸ См. П.П.Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961, стр.13-14. А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967. стр.57. В.Г.Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр. 47.

⁵⁹ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1955 г. "Об изъятии из ведения народных судов дел по спорам между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями на сумму до тысячи рублей". - "Ведомости Верховного Совета СССР", 1955, №5, стр.116.

⁶⁰ В.Г.Даев. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Изд. Ленинградского ун-та, 1972, стр.47.

арбитраж обязан приостановить производство по делу, когда оно не может быть разрешено до рассмотрения другого дела в государственном или третейском суде, арбитраже или органов следствия (п. 38 Правил)⁶¹.

Устранение же гражданского истца и гражданского ответчика от уголовного судопроизводства и лишения их права защищать свои законные интересы в уголовном деле, уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено (ст. 25 и 26 Основ уголовного судопроизводства; ст. 207 УПК ЭССР).

Необоснованным является, по нашему мнению, и применение в уголовном процессе норм ГПК, регулирующих порядок вынесения кассационной инстанцией нового решения и увеличения суммы гражданского иска (п. 4 ст. 305 ГПК РСФСР).⁶² Такого порядка уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает и введение его в уголовный процесс, как это предлагают А.Г.Мазалов, В.Божьев и другие,⁶³ не соответствует принципам уголовного процесса и нарушает права участников процесса. Кроме того, одностороннее введение отдельной гражданско-процессуальной нормы в уголовный процесс, без надлежащего обеспечения заинтересованных лиц соответствующими процессуальными гарантиями, нарушает общую гармонию в советском уголовном процессе и глубоко затрагивает законные интересы отдельных участников процесса.

Гражданское процессуальное законодательство, в отличие от уголовно-процессуального, предоставляет истцу и ответчику широкие возможности защищать свои законные интересы не только в кассационной, но и в надзорной инстанции. Сторонам направляются копии протеста, принесенного в порядке надзора по их делу (ч. I ст. 325 ГПК РСФСР); суд назначает время рассмотрения дела с таким расчетом; чтобы лица, участвующие в деле,

⁶¹ Арбитражный процесс. Под ред. проф. А.А.Добровольского. Изд. Московского ун-та, 1973, стр. 163. См. также П.Р.Адоян. К вопросу о гражданском ответчике в советском уголовном процессе. - "Правоведение", 1966, № I, стр. 69.

⁶² См. определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 26/ХП 1963 г. по делу Соколовой М.П. - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1964, № I, стр. 30-31.

⁶³ См. А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 173-174; см. также В.Божьев. Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. - "Советская юстиция", 1971, № 15, стр. 19.

имели возможность представить письменные объяснения на протест и дополнительные материалы (ч. 2 ст. 325 ГПК РСФСР), стороны и их представители имеют право давать объяснения в суде, рассматривающем дело в порядке надзора (ст. 328 ГПК РСФСР). Таких прав гражданский истец и гражданский ответчик в уголовном процессе не имеют (ст. 377 УПК РСФСР).

Поэтому одностороннее увеличение суммы гражданского иска кассационной инстанцией без предоставления обвиняемому и гражданскому ответчику права на возражения против такого увеличения недопустимо. Оно нарушает право обвиняемого на защиту и право гражданского ответчика на возражения (ч. 2 ст. 55 УПК РСФСР).⁶⁴ Суд обязан не только обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленных ему обвинений, но и обеспечить охрану его личных и имущественных прав (ст. 19 УПК РСФСР).

Таким образом, неравенство в положении субъектов гражданского иска в гражданском и уголовном процессах не может быть отрегулировано путем непосредственного применения отдельных норм ГПК в уголовном процессе без учета того процессуального режима, который свойственен последнему. Такое неравенство может быть отрегулировано с учетом специфики судопроизводства только путем внесения соответствующих дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Итак, форма и содержание одного и того же правового явления, в данном случае института гражданского иска в уголовном процессе, не могут быть оторваны друг от друга и заменены иными формами или иным содержанием. Форма немислима вне содержания, поскольку формы являются "формами живого реального содержания, связанными неразрывно с содержанием".⁶⁵

---

⁶⁴ См. И.Л.Петрухин. Гражданский иск и демократические принципы советского правосудия. - "Советское государство и право", 1973, № 1, стр. 64.

⁶⁵ В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.

Пути развития института гражданского иска в уголовном процессе

I. Анализ института гражданского иска в уголовном процессе требует выяснения также природы и сущности возмещения материального ущерба судом без иска (ст. 42 ч. 4 УПК ЭССР).

Допущение УПК большинства союзных республик такого порядка возмещения характеризует по-новому весь институт гражданского иска в уголовном процессе. Если ранее действующее уголовно-процессуальное законодательство придавало самому факту предъявления иска исключительное значение: без иска не могло быть и производства по возмещению материального ущерба, то по действующему законодательству такая исключительность отпадает. Ряд авторов усматривает в этом способе возмещения самостоятельную форму удовлетворения потерпевшего, которая не имеет ничего общего с гражданским иском в уголовном процессе. Больше того, П.П.Гуреев противопоставляет этот способ защиты имущественных прав гражданскому иску в уголовном деле и доказывает преимущество последнего.⁶⁶ А.Г.Мазалов хотя и признает, что все действующие УПК "поставили данную форму возмещения в определенную зависимость от гражданского иска", все же не делает из этого никаких выводов.⁶⁷

Если возмещение ущерба по инициативе суда рассматривать как случайное, единичное явление в отрыве от исторического развития института гражданского иска в советском уголовном процессе и не видеть тенденции (необходимость, закономерность) этого развития, то эту форму возмещения можно действительно рассматривать как еще один "резерв в арсенале правовых средств возмещения ущерба, которыми наделен суд", от которого, однако, суть иска не меняется.⁶⁸

Возмещение материального ущерба по инициативе суда без иска, является, однако, не самостоятельным и изолированным

---

⁶⁶ См. П.П.Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 9.

⁶⁷ См. А.Г.Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 14-15.

⁶⁸ См. там же, стр. 15.

от гражданского иска процессуальным средством защиты имущественных прав, а причинно обусловленным им. Это средство имеет характер не случайного явления, а вытекает с неизбежностью из внутренних существенных взаимоотношений с гражданским иском в уголовном процессе.⁶⁹ Суд должен (может) воспользоваться этим средством, когда гражданский иск остался не предъявленным. Ощущавшаяся в судебно-следственной практике потребность в усилении государственного вмешательства в гражданский иск в уголовном процессе, в особенности же в интересах охраны социалистической собственности, породила ряд подзаконных актов, в которых устанавливалась необходимость принятия всех мер к возмещению, причиненного расхитителями ущерба по инициативе самих следственных органов, прокурора и суда. Основные положения этих актов, в том числе возмещение ущерба, причиненного хищением социалистического имущества, без иска, стали эталонами для ныне действующего уголовно-процессуального законодательства.

По мнению А.А.Добровольского, в случае возмещения ущерба судом без иска также имеет место исковое производство, так как у субъекта требования имеется право на предъявление иска, которое реализуется судом по своей инициативе в силу советского принципа диспозитивности.⁷⁰

Эта позиция представляется наиболее удачной в силу того, что производство по гражданскому иску и производство по возмещению ущерба без иска в уголовном процессе происходит по одним и тем же правилам уголовного судопроизводства. За исключением отсутствия гражданского иска в стадии судебного разбирательства производство по этим двум видам возмещения ущерба совпадает. Условия и пределы имущественной ответственности определяются здесь так же, как и при разрешении гражданского иска в уголовном процессе нормами гражданского права и нормами той отрасли права, которые были нарушены преступлением.

Остается лишь привлечь представителя государственной или общественной организации, понесшей материальный ущерб от

---

⁶⁹ См. Ю.Р.Адоян. Пути развития института возмещения ущерба, причиненного хищением, в советском уголовном процессе (тезисы докладов). Научная конференция, посвященная 50-летию образования Союза СССР. Тарту, 1973, стр. 77-80.

⁷⁰ А.А.Добровольский. Исковая форма защиты права. М., 1965, стр. 45-46.

преступления, к производству по уголовному делу (так как это имеет место в отношении потерпевшего гражданина), в котором разбираются вопросы о причинении организации ущерба, его размера и возмещения. В целях наиболее эффективной охраны социалистического имущества от преступных посягательств и наиболее эффективного возмещения ущерба, участие такого представителя в уголовном процессе не только желательно, но и необходимо.

Таким образом, имеются все реальные, конкретные и необходимые возможности для превращения института гражданского иска в уголовном процессе в институт уголовно-процессуального возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, то есть в институт государственного иска в уголовном процессе.

Развитие института возмещения материального ущерба в уголовном процессе в этом направлении отмечается в особенности по делам о хищении социалистического имущества.⁷¹

2. Из вышесказанного можно сделать вывод, что сущность гражданского иска в уголовном процессе состоит в обязательной процессуальной защите имущественных прав государственных и общественных организаций. Эту защиту осуществляют органы дознания, следователь, прокурор и суд всеми предусмотренными законом средствами по долгу службы, ибо реальное возмещение материального ущерба, причиненного хищением социалистического имущества, имеет в уголовном процессе такое же важное значение, как и предупреждение преступления и наказание преступника.

Возможность предъявления иска в порядке гражданского судопроизводства является дополнительной гарантией возмещения ущерба, которая предусмотрена не для выбора порядка судопроизводства без всяких на то оснований, а как дополнительное средство для максимального обеспечения интересов лиц, понесших материальный ущерб от преступления, в том числе государственных и общественных организаций.

---

⁷¹ См. п.3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. № I. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1970. М., 1970, стр. 561.

Подсудность гражданского иска в уголовном деле определяется нормами УПК, то есть подсудностью уголовного дела. В органах арбитража иск, по которому истцами и ответчиками являются государственные и общественные организации (кроме колхозов), может быть рассмотрен только после его рассмотрения (в части основания иска) в порядке уголовного судопроизводства.

Нормы гражданского процессуального права применимы при производстве по гражданскому иску в уголовном процессе только в той мере, в какой их применение специально указывается в законе.

3. Учитывая большую важность правильного и быстрого рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, а также большую важность охраны государственных и общественных интересов от преступных посягательств, в уголовно-процессуальное законодательство необходимо внести такие изменения и дополнения, которые создали бы для применения исковой формы защиты права в уголовном процессе наиболее благоприятные и наиболее равные условия с гражданским процессом.

Считаем необходимым:

а) в целях дальнейшего развития конституционного положения об охране и укреплении социалистической собственности в уголовно-процессуальных кодексах закрепить положение о том, что государственные и общественные организации, понесшие материальный ущерб от преступления, обязаны предъявить иск при производстве по уголовному делу; организация, понесшая ущерб от преступления, признается следователем таковой независимо от предъявления иска. Участие представителя потерпевшей от преступления организации при производстве по уголовному делу обязательно;

б) среди прав обвиняемого, указанных в ст. 35 УПК ЭССР, необходимо предусмотреть, что обвиняемый, отвечающий лично за причиненный им материальный ущерб, пользуется наряду с предоставленными ему правами также правами гражданского ответчика (ст. 43 УПК ЭССР). При предъявлении гражданского иска и признания лица гражданским истцом обвиняемый вправе ознакомиться с исковым заявлением и приложенными к нему документами, возражать против предъявленного иска и давать объяснения по существу предъявленного иска;

в) обеспечение гражданского иска путем наложения ареста на имущество должно происходить на основании постановления следователя или лица, производящего дознание, которое, как и при обыске, должно санкционироваться прокурором.⁷² Введение такого положения в УПК всех союзных республик требует демократические начала советского уголовного процесса и необходимость максимального ограждения основных прав и гарантий граждан о неприкосновенности жилья, установленных Конституцией СССР. Введение такого порядка обеспечивает, кроме того, быстроту и полноту проведения этого следственного действия, поскольку оно будет находиться под непосредственным контролем прокурора и дает возможность более активно искать ценности, подлежащие описи, которые, как правило, не хранятся на виду. Необходимо учесть, что и в гражданском процессе эти действия проводятся судисполнителем только по определению суда или судьи (ст. 133, 136, 137, 138 ГПК РСФСР);

г) поскольку факты о причинении материального ущерба преступлением, его размере в денежном выражении и данные о лице, которому был причинен этот ущерб, не могут оставаться не отмеченными в описательной части обвинительного заключения, то нелогично было бы обойти их молчанием и в резолютивной части обвинительного заключения. Предлагаем после формулировки обвинения и статей особой части уголовного кодекса во втором пункте резолютивной части обвинительного заключения указать, с кого конкретно подлежит взыскать материальный ущерб, на какую сумму и в чью пользу. Прецедент соединения исковых требований и уголовного обвинения в одном и том же процессуальном документе имеет место в приговоре, в котором разрешается гражданский иск. Дополнение ст. 174 УПК ЭССР соответствующей формулировкой будет способствовать упорядочению делопроизводства по гражданскому иску в уголовном процессе (данные об имущественном ущербе будут бо-

---

⁷² Статья 146 УПК ЭССР предусматривает такой порядок. В части 2 этой статьи указывается, что "наложение ареста на имущество производится по постановлению следователя или органа дознания и только с санкции прокурора. В случаях, не терпящих отлагательства, арест на имущества может быть наложен следователем или органом дознания без санкции прокурора, но с последующим сообщением прокурору в течение суток о наложении ареста на имущество".

лее тщательно согласоваться); это даст возможность подсудимому и гражданскому ответчику (если ему будет направлена копия обвинительного заключения) своевременно подготовиться к возражению против предъявленных исковых требований; будет иметь большое воспитательное значение, поскольку данные об имущественном требовании будут оглашаться в начале судебного следствия;

д) в целях обеспечения прав и законных интересов лиц, заинтересованных в вопросах возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, следует дополнить ч. 4 ст. 42 УПК ЭССР положениями о том, что суд вправе по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении материального ущерба только в случаях, когда: 1) вопрос о возмещении материального ущерба возможно решить положительно (т.е. не отказывать в возмещении); 2) за причиненный ущерб отвечает сам подсудимый (не гражданский ответчик); 3) в деле нет обоснованного отказа лица, понесшего ущерб от преступления, от предъявления гражданского иска; 4) при рассмотрении дела участвует лицо, понесшее ущерб от преступления (представитель государственной или общественной организации).

СОДЕРЖАНИЕ

SISUKORD

<u>И. Ребане.</u>	Судимость по советскому уголовному праву ...	3
<u>К. Мизга.</u>	Jõobeseisundi arvestamisest karistuse mõistmisel	36
К.Н и г о л а.	Об учете состояния опьянения при назначении наказания. Р е з ю м е.	42
<u>Х.Кингс.</u>	Понятие рецидива преступления в уголовном праве и криминологии	44
<u>Ю.Адоян.</u>	Гражданский иск в уголовном процессе как средство охраны социалистического имущества от последствий преступных посягательств..	64

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 364. ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ XIX. На эстонском и русском языках. Тартуский государственный университет. СССР, г. Тарту, ул. Оликооли, 18.

Vastutavad toimetajad H. Lindmaa, H. Kärtner. Korrektorid J. Laanekask, N. Tsikalova, G. Noppel. Paljundamisele antud 23.VI 75. Trükipaber nr. 2. 30x45.1/4. Trükipoognaid 6,5. Arvestuspoognaid 5,3. Trükiarv 400. MB 05401. Tell.nr. 889. TRÜ trükikoda, ENSV, Tartu, Palsoni t. 14. Hind 53 kop. 1 - 14